

Е Л Е Н А И Г Н А Т О В А

ЗАГАДКИ

ПЕТЕРБУРГА

У М Ы Ш Л Е Н Н Ы Й Г О Р О Д

Елена Алексеевна Игнатова
Загадки Петербурга I. Умышленный город
Серия «Тайны истории (Амфора)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16928961

*Загадки Петербурга I: Умышленный город / Елена Игнатова.: Амфора; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-367-03841-5*

Аннотация

История блистательного Петербурга со времени его основания и до момента утраты столичного статуса позволяет вдохнуть аромат давно ушедшей эпохи.

Содержание

От автора	4
Начало города	5
«Парадиз» среди топей	12
Будни, праздники, события	20
После Петра	31
Жестокая пора	37
Петербург времен Елизаветы	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Игнатова

Загадки Петербурга I: Умышленный город

От автора

Повествование охватывает первые два столетия истории города. В книге, посвященной периоду от основания Петербурга до двадцатых годов XX века, рассказывается о том, что объединяло разные поколения горожан, о замечательных трагических, а порой и странных событиях, о судьбах петербуржцев, прославленных и безвестных. В свидетельствах людей разных эпох я искала подробности, сохранявшие атмосферу, воздух времени, благодаря которым по-иному увиделись петровские празднества в Летнем саду, или Дворцовая площадь в день екатерининского переворота 1762 года, или Сенатская 14 декабря 1825-го. Жизнь Петербурга – мастерской, в которой выковывалось будущее государства, поражает разнообразием и завершенностью сюжетов. Одни из них читаются как притчи, другие кажутся невероятными вымыслами, и все они составляют историю «самого отвлеченного и самого умышленного города», как назвал его Достоевский. Мне хотелось взглянуть в обыденную жизнь, почувствовать дыхание и тепло давно отшумевших времен, услышать голоса людей прошлых поколений.

Я искренне признательна В. Д. Родионову, С. К. Егорову, Р. Д. Тименчику, М. Р. Хейфецу, С. А. Зонину, Т. С. Царьковой за помощь и содействие в подготовке этой книги.

Начало города

Орел над островом. Возведение крепости. Петропавловский собор. «Красные хоромы» и Адмиралтейский дом. Заселение Петербурга

«Что провинции Карелия и Ингрия или Карельская и Ижорская земля со всеми прилежащими ко оным уездами, городами и местами издревле ко Всероссийской империи принадлежали, то не могут и сами шведы отрещи», – писал один из сподвижников Петра I, П. П. Шафиров в «Рассуждениях, какие законные причины его величество Петр Великий... к начатию войны против Карла XII шведского в 1700 году имел...».

Действительно, Ижорская земля, на территории которой был построен Петербург, до XVII века входила в состав новгородских земель. Шведы неоднократно пытались захватить ее, но новгородцы всякий раз отражали нападение. В этой борьбе принял участие и князь Александр Невский, впоследствии канонизированный православной церковью.

В 1237 году папа Григорий IX объявил Крестовый поход против язычников – финнов и славян. Шведское войско под предводительством ярла¹ Биргера пришло на берега Невы и здесь было встречено новгородцами во главе с князем Александром. 15 июля 1240 года в битве на поле при впадении реки Ижоры в Неву новгородцы одержали победу над шведами. В память об этой победе Петр I в 1710 году заложил в строившемся Санкт-Петербурге Александро-Невский монастырь. В начале XVII века, в тяжелейшее для русского государства Смутное время, шведы, воспользовавшись междоусобицами в России, захватили Ижорскую землю.

Но сто лет спустя на берегах Невы вновь появились русские войска. В апреле 1703 года они, под командой генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, осадили шведскую крепость Ниеншанц. В осаде принимал участие и Петр I. Когда гарнизон крепости сдался, Петр переименовал ее в Шлотбург и собирался сделать своим оплотом на отвоеванных землях. Но крепость находилась вдалеке от устья Невы, откуда можно было ждать нападения шведов. Поэтому царь с приближенными объехал многие острова невольской дельты в поисках места для нового русского укрепления. В сочинении анонимного автора XVIII века, озаглавленном «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга», так повествуется об основании города:

«В лето от первого дни Адама 7211.

По Рождестве Иисус Христове 1703. Май.

14-го Царское Величество изволил осматривать... устья Невы-реки и островов и усмотрел удобный остров к строению города. (Оный остров тогда был пуст и обросши был лесом, а именовался Люистранд, то есть веселый остров.) Когда сшел на средину того острова, почувствовал шум в воздухе, усмотрел орла парящего, и шум от парения крыл его был слышен; взяв у солдата багинет и вырезав два дерна, положил дерн на дерн крестообразно и, сделав крест из дерева и водружая в дерны, изволил говорить: „Во имя Иисус Христово на сем месте будет церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла“...

15-го изволил послать несколько рот солдат, повелел берега оною острова очистить и, леса вырубя, скласть в кучи. При оной высечке усмотрено гнездо орлово на того острова дереве.

¹ У скандинавских народов ярл – представитель родовой знати. (Здесь и далее примеч. автора.)

16-го, то есть в день Пятидесятницы, по Божественной литургии, с ликом святительским... изволил шествовать на судах рекою Невою и по прибытии на остров Люнстранд, и по освящении воды, и по прочтении молитвы на основание града, и по окроплении святою водою, взял заступ и первый начал копать ров. Тогда орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился и парил над оным островом.

Царское Величество, отошед мало, вырезал три дерна и изволил принести к означенному месту. В то время зачатого рва выкопано было земли около двух аршин глубины и в нем был поставлен четверугольный ящик, высеченный из камня, и по окроплении того ящика святою водою изволил поставить в тот ящик ковчег золотой, в нем мощи святого апостола Андрея Первозванного, и покрыть каменною накрышкою, на которой вырезано было: „По воплощении Иисус Христове 1703 мая 16 основан царствующий град Санкт-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем Всероссийским“. И изволил на накрышку оного ящика полагать реченные три дерна с глаголом: „Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Основан царствующий град Санкт-Петербург“. Тогда его Царское Величество... от всех тут бывших поздравляем был... при том была многая пушечная пальба. Орел видим был над оным островом парящий. Царское Величество... изволил размерить, где быть воротам, велел пробить в землю две дыры и, вырубив две тонкие березы... поставлял в дыры в землю наподобие ворот. И когда первую березу в землю утвердил, а другую поставлял, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах; ефрейтором Одинцовым оный орел с ворот снят.

Царское Величество о сем добром предзнаменовании весьма был обрадован: у орла перевязав ноги платком и надев на руку перчатку, изволил посадить у себя на руку и повелел петь литию. По литии и окроплении ворот святою водою... изволил выйти в оныя ворота, держа орла на руке, и, сшед на яхту, шествовал в дом свой царской... Веселие продолжалось до 2 часов пополудни, при чем была многая пушечная пальба.

Оный орел был во дворце; по построении на Котлине острову крепости святого Александра... отдан на гауптвахту с наречением орлу комендантского звания. (Жители острова, который ныне именуется Санктпетербургский... сказывали, будто оный орел этот был ручной, а житье его было на острове, на котором ныне город Санкт-Петербург)...»

Этот орел, столь кстати появившийся над русским царем, придает церемонии подлинно эпический характер и ставит историю основания «царствующего града» в ряд с легендами об основании великих городов. По преданию, именно орел указал византийскому императору Константину Великому место для строения Константинополя.

Крепость Санкт-Петербург построили в небывало короткий срок: 22 июня, через два месяца после ее закладки, войска, стоявшие до этого в Ниеншанце, перешли в ее казармы, а еще через два месяца строительство было завершено. Крепость возводили с такой поспешностью, опасаясь нападения шведов. В плане она представляла собой вытянутый шестиугольник, по углам которого высились мощные бастионы. Для ускорения дела царь и его приближенные сами руководили работами. По их именам и названы бастионы: Государев, Головкин, Зотов, Трубецкой, Нарышкин, Меншиков. Первоначально крепость была земляной, в камне ее начали перестраивать с 1706 года. Она была мощным оборонительным сооружением: высота стен – девять метров, толщина – около двадцати, со всех сторон ее окружает река.

Крепость Санкт-Петербург стала центром, вокруг которого вырастал город. Строили ее солдаты, пленные шведы, крестьяне, согнанные по приказу Петра I со всех концов России. Каждое утро с зарей по деревянным, наскоро наведенным через рукав Невы мостам сюда тянулись вереницы работников. Одновременно на строительстве работало около двадцати тысяч человек. Одни насыпали огромные земляные куртины, другие возводили пятиугольники бастионов. Даже самых примитивных орудий труда – тачек, носилок, лопат – не хва-

тало. Землю носили в мешках или просто в подоле одежды. Рабочий день длился от восхода солнца дотемна, а в первые месяцы строительства – при свете белой северной ночи – они шли непрерывно: одни землекопы сменяли других.

Жили работники в землянках возле крепости, по несколько десятков человек в каждой. Провизию в город доставляли издалека, по воде, а когда на Ладожском озере начиналось время штормов, в Петербурге наступал голод. Болотистая петербургская земля мало пригодна для земледелия. Среди строителей свирепствовали эпидемии, и смертность от них, голода и холода была велика. Очевидцы рассказывали, что измученные люди утрачивали желание жить и ложились на мокрую землю или в ледяную воду. Ни угрозами, ни побоями их не могли заставить подняться. По некоторым свидетельствам, возведение крепости Санкт-Петербург стоило жизни нескольким десяткам тысяч ее строителей.

За этот поистине египетский труд вольнонаемные работники получали по три копейки в день, а государственным крепостным, которых было большинство, не платили вовсе: их содержали за казенный счет. Кроме того, Петербург стал местом отбывания каторжных работ. Со всей России сюда присылали каторжан, беглых крестьян и солдат, и трудно было найти такие страшные условия жизни, как на этой каторге.

Построенная в крепости деревянная церковь во имя св. апостолов Петра и Павла отличалась от традиционных для Руси храмов. Она была увенчана шпилем, у входа стояли башенки, на которых в праздничные и воскресные дни поднимали вымпелы. Деревянные стены церкви расписали «под каменный вид желтым мрамором».

В крепости размещались Сенат, Казначейство, работала первая в городе аптека. В казематах находились казармы, а часть их петербургские купцы арендовали под склады. В 1712 году в крепости на месте деревянной церкви началось возведение главного собора города по проекту архитектора Д. Трезини. Ее строительство продолжалось двадцать два года. Петропавловский собор и по сей день является одним из главных украшений Петербурга. По виду этот величественный памятник петровского барокко – собор со шпилем колокольни, возносящимся в небеса, – представлялся поэтическому воображению кораблем в воздушном просторе. Шпиль над колокольней появился по желанию Петра I, которому хотелось, чтобы он был выше всех виденных им в Европе. Император не дождался завершения строительства, но он нередко поднимался с иностранными гостями на шпиль собора, стоявший в лесах, показывая им панораму города.

В соборе похоронены дети Петра I, умершие в малолетстве, здесь погребен и он сам. После смерти Петра в 1725 году саркофаг с его набальзамированным телом шесть лет простоял в строившемся здании. Работы были завершены в 1731 году, и императора похоронили перед алтарем. В Петропавловской крепости трагически закончилась жизнь старшего сына Петра, царевича Алексея. Алексей, его жена Шарлотта, принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская, и его тетка Мария Алексеевна – сестра Петра I, которая была сторонницей Алексея, также погребены в соборе. Отец отказал сыну и его близким и в посмертной милости: их похоронили не в алтарной части, а при входе, в притворе собора. Согласно символике различных частей храма, его алтарная часть соотносится с раем, а в притворе собора обычно помещается изображение Страшного суда. В соборе погребены все русские императоры, правившие после Петра Великого, кроме Петра II, умершего в Москве.

Автор «Дневника камер-юнкера Берхгольца, веденного им в России в царствие Петра Великого с 1721 по 1725 год», одного из интереснейших свидетельств о жизни Петербурга той поры, писал: «Крепость Санкт-Петербург, где находится колокольня, построена у самой Невы и имеет несколько толстых и высоких бастионов, уставленных большим числом пушек... Она есть... род парижской Бастилии: в ней содержатся все государственные преступники и нередко исполняются тайные пытки. Многие пленные шведские офицеры содер-

жались в казематах, находящихся там под валом. Она имеет своего особого коменданта, и туда ежедневно назначается большой караул от здешних полков».

Первым комендантом крепости (1704–1720) стал сподвижник Петра Р. В. Брюс. В 1720 году он умер и был похоронен у стены Петропавловского собора, со стороны его алтарной части. Позднее там хоронили и других комендантов Петропавловской крепости. В 70-е годы XX века на Комендантском кладбище велись археологические раскопки, и иногда, разговарившись с экскурсоводом, можно услышать предание о том, что, когда открыли гроб Брюса, тело его не было тронуту тлением. На груди его лежала роза, с виду тоже совсем живая. Но через секунду Брюс и роза рассыпались в прах на глазах у археологов.

Неподалеку от крепости на берегу Невы находился дом Петра I – «красные хоромы». Он был построен по образцу домов в голландском городе Саардаме, где русский царь плотничал и учился кораблестроению. В Саардаме Петр занимал маленькую комнату в доме корабельного мастера, носил скромную одежду рабочего и вместе с другими мастеровыми трудился на верфи, получая жалованье. Непритязательный в личной жизни, Петр I и в Петербурге жил в домике, состоявшем из двух небольших комнат и кухни. Стены комнат были обиты беленым холстом, мебель в них стояла лишь самая необходимая, часть ее сделал сам царь. В одной из комнат он работал и принимал своих сановников, другая служила одновременно столовой и спальней. Снаружи деревянный домик был выкрашен на «голландский манер» под кирпич, центр крыши украшала деревянная мортира, а углы крыши – две деревянные «бомбы».

Это незатейливое жилище вполне отвечало вкусам царя. Невысокие потолки, скромное убранство; комната, служившая одновременно мастерской и кабинетом, – так выглядели покои Петра не только здесь, но и во дворцах, где он жил позже. Его нелюбовь к роскоши приводила к курьезным случаям. Во Франции, когда Петр приехал в Версаль, все было приготовлено к встрече. Войдя в роскошные апартаменты, царь задумчиво и с любопытством оглядел огромный зал со столом, украшенным великолепным сервизом, люстры и зеркала, взял с блюда яблоко – и объявил, что покои ему не подходят, он хочет чего-нибудь поскромнее. Его поселили в дорогом парижском отеле. Он и там не захотел жить в парадных комнатах, а разместился в гардеробной, приказав вместо кровати принести его походную постель, устроенную в кузове кибитки.

Но, не любя роскоши в собственном быту, Петр неуклонно требовал ее в государственном устройении. Великолепные дворцы и парки, роскошные костюмы придворных – всего этого он добивался с деспотической энергией. Новое государство, которое он хотел создать, должно было со временем затмить своим блеском европейские державы. На Петербург в этих планах возлагались особые надежды.

А пока маленький домик царя окружали мазанковые или деревянные дома приближенных. До наших дней из этих строений уцелел лишь дом Петра Великого. Его бережно сохраняли, а в конце XVIII века построили каменный футляр, предохранявший его от разрушения.

Петр I строил город и был готов оборонять его. Император Карл XII, узнав о строительстве Петербурга, высокомерно заметил: «Пусть царь занимается пустой работой строить города, а мы оставим себе славу брать оные». В 1704 году шведы атаковали город с суши и с моря, но были отброшены русскими войсками. В 1708 году армия под предводительством генерала Либекера в последний раз попыталась вернуть Швеции господство на берегах Невы, но русские войска под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина разбили ее и тем положили конец этим устремлениям.

Создание русского флота, позволившего отстоять завоеванный выход к Балтийскому морю, Петр начал еще в Воронеже и в Архангельске. Но главную верфь предполагалось построить в Петербурге. В ноябре 1704 года в журнале Петра I появляется запись: «Заложили Адмиралтейский дом и были в остерии и веселились; длина 200 сажень, ширина 100 сажень».

Так было основано Адмиралтейство, центр российского кораблестроения. Адмиралтейскую верфь выстроили в очень короткий срок. В ноябре 1705 года начальник строительства Яковлев доложил петербургскому генерал-губернатору А. Д. Меншикову, что «верфь строением совсем завершилась». В связи со всеми этими чудесами созидания на придворных праздниках, льстя царю, пели: «Бог идеже хочет, побеждается естества чин». Но известно, за счет каких жертв совершались чудеса.

На петербургской верфи были собраны плотники, корабельных дел мастера, резчики, столяры, кузнецы со всех концов России. К 1715 году здесь работало около десяти тысяч человек, но и этого было недостаточно. Повсюду по повторяющимся указам нанимали на работу в Адмиралтейство «для корабельного дела охочих плотников». Рабочий день начинался рано поутру по сигналу колокола и продолжался дотемна. После окончания работы мастеровых обыскивали, чтобы никто не мог утаить чего-нибудь для себя. Жалованье им выплачивали три раза в год. Строили корабли из леса, привезенного с низовой Волги, из Казани, но использовали и местный лес. Поэтому в Петербурге и окрестностях было запрещено срубить дубы. Нарушивших запрет казнили: в разных местах города стояли виселицы. Все работавшие в Адмиралтействе носили одинаковую одежду «немецкого покроя». Бежать отсюда было почти невозможно, ибо по указу царя от 1707 года «взамен бежавших брать их отцов и матерей, и жен и детей или кто в доме живет, и держать их в тюрьме, покамест те беглецы сысканы и в Петербург высланы будут». Для верности здесь же устроили застенки, где пытали и наказывали. И тем не менее многие решались бежать. Печально звучала песня петербургских рабочих людей:

Не своей волей корабли снащу,
Не своею я охотою,
По указу я государеву,
По приказу-то я адмиральскому.

Первое судно в Адмиралтействе спустили на воду через четыре месяца после постройки верфи – 29 апреля 1706 года. Это был восемнадцатипушечный бомбардирский корабль. В связи с этим событием царь установил порядок торжественного спуска корабля: ему салютовали орудия, играла музыка, а корабельный мастер получал награду: на серебряном блюде ему подавали серебряные рубли – по три за каждую пушку на судне.

Первый большой военный корабль «открытого моря» – пятидесятичетырехпушечная «Полтава» – был построен на Адмиралтейской верфи в 1712 году. Царь любил повторять, что «всякий потентат (властитель. – *Е. И.*), который едино войско имеет, – одну руку имеет, а который и флот имеет – две руки имеет». Он неусыпно следил за ходом работ на верфи и даже сам трудился там в ранге «баса» – главного мастера на постройке корабля. Люди, желавшие завоевать расположение Петра I, должны были знать, «как делати те суда». Его ближайшие сподвижники вместе с ним обучались кораблестроению в Голландии; и, конечно, не страсть к плотницкому делу побудила А. Д. Меншикова или П. А. Толстого, немолодого уже человека, оставить семью и родину и ехать плотничать в Саардам. При Адмиралтействе работало первое в России учебное заведение, готовившее офицеров флота, – Навигацкая школа. За границей русские дипломаты обязаны были нанимать корабельных мастеров для работы в Петербурге.

В 1710–1711 годах Адмиралтейство занимало обширную территорию, застроенную эллингами, амбарами, мастерскими. Окруженное с трех сторон укреплениями – валом с пятью бастиянами и рвом с водой, – оно оставалось открытым со стороны Невы для спуска кораблей. Верфь строили как крепость, она имела стратегическое значение. К двадцатым годам облик Адмиралтейства изменился. Через ров перебросили мосты, деревянные стро-

ения заменили более прочными мазанковыми, над башней у южных ворот голландский мастер Я. ван Болес построил шпиль, обшитый железом, увенчав его яблоком, короной и корабликом. Этот символ Адмиралтейства – кораблик на шпиле – был повторен и при позднейшей перестройке главного здания Адмиралтейства в начале XIX века; позже он стал эмблемой города.

К концу жизни Петра I Адмиралтейство считалось одной из крупных европейских верфей, оно в значительной степени способствовало созданию Российского флота. В 1712 году он состоял из 12 фрегатов и 8 галер, а к 1725 году насчитывал уже 48 военных кораблей и 360 галер. Служило на флоте около 15 тысяч матросов. Отличные боевые качества кораблей, построенных в Адмиралтействе, отмечали многие иностранные наблюдатели. Уже упомянутый нами Ф. В. Берхгольц писал в дневнике об осмотре огромных складов со всей оснасткой для судов, матросской формой, корабельным лесом. «Здесь все заготовлено для великого множества кораблей», – заключал он.

Неожиданное усиление могущества России тревожило западные державы. Английский посланник в Петербурге Джефферис писал в Лондон: «Корабли строят здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе». И английские мастера, работавшие в Адмиралтействе, получили королевский приказ покинуть Россию. Но Петр I в ответ на это намного повысил им жалованье, и они остались в Петербурге.

Первыми крупными сооружениями в городе были крепость Санкт-Петербург и Адмиралтейство, имевшие военное значение. Ведь первоначально, до перелома в ходе Северной войны, Петербург строился не как новая столица, а как город-порт, форпост России на отвоеванных землях. Но после Полтавской и других побед стало ясно, что угроза потерять эти территории миновала. В честь победы при Полтаве в Петербурге заложили церковь Св. Сампсония, праздник которого приходился на день битвы – 27 июня.

С этого времени Санкт-Петербург начал быстро заселяться и застраиваться. Первым его генерал-губернатором стал ближайший сподвижник и друг царя А. Д. Меншиков. Через несколько месяцев после основания города, в ноябре 1703 года, в его гавань вошло иностранное торговое судно – голландское, с грузом соли и вина. Генерал-губернатор щедро наградил команду: шкипер получил 500 золотых, а каждый матрос по 15 серебряных рублей за то, что они первыми пришли в новый порт. Это судно снарядили купцы из Саардама, на верфи которого Петр некогда учился строить корабли. Царь оценил любезность: корабль получил особые привилегии и еще много лет приходил с товарами в столицу России. Были объявлены награды второму и третьему иностранным торговым судам, которые придут в Петербург.

Между тем по многочисленным указам Петра началось переселение жителей из внутренних областей страны в заложенный на Неве город. Из Москвы в Санкт-Петербург переселили несколько семей дворян и богатых купцов с требованием, чтобы они выстроили себе в отведенных царем местах новые дома. А крестьян и ремесленников сюда переводили постоянно и в большом количестве.

Раньше других в новом городе был застроен соседствующий с Заячьим островом (на котором стоит крепость) Березовый остров. Здесь появились первые улицы. Их названия говорят о том, кто там жил: Большая и Малая Дворянская, Пушкарская, Зелёная², Монетная, Ружейная, Посадская... На Большой Дворянской строили дома вельможи – от губернатора Меншикова до канцлера Шафирова.

На другой стороне Невы вокруг Адмиралтейства располагались слободы его служащих, состоявшие из деревянных и мазанковых домов, вытянутых в линии параллельно зданию Адмиралтейства. Эти улицы назывались Офицерскими, Морскими. Ближе к Адмиралтейству стояли дома людей побогаче. Им для застройки отводили участки шириной в

² Название происходит от слова «зелё», то есть порох.

двадцать пять и длиной в сорок метров. Дальше, за речкой Мьей (ныне река Мойка), жили солдаты, матросы, мастеровые люди, переведенные на жительство в Петербург. Некоторые слободы в городе так и назывались – Переведенские. Там участки, определенные под застройку, были меньше – длиной в двадцать и шириной в десять метров. Во всех слободах, офицерских и солдатских, дома возводились по образцам, разработанным Трезини. Не все прибывавшие сюда жители могли сразу построить себе дом и были обречены подолгу оставаться без надежного крова, а бедные переселенцы поначалу жили в шалашах или землянках.

Каждый, будь то богатый помещик, боярин или бедный крестьянин, переселение в Петербург принимал как величайшее несчастье. Причин для этого было немало, но мы упомянем одну из них – природные условия этих мест.

«Парадиз» среди топей

Печальный край. На Троицкой площади. Иностранцы в Петербурге. Петр и Москва. Строение города, или Любовь к геометрии. Александро-Невский монастырь

Климат и ландшафт средней и южной России отличались от природных условий Петербурга и его окрестностей. Город стоял на болотах, в низине у устья Невы, где от соседства с Балтийским морем царили сырость, дожди, часто случались наводнения. Скучная природа, вечно серое небо, короткое дождливое лето и сырая холодная зима. Петр I называл эти места и свой город «парадизом»; Меншиков, вторя ему, говорил, что это «святая земля». Но были и другие отзывы. Берхгольц, например, писал, «что здешняя земля из-за сырости ничего не родит», и город, если прекращается привоз продовольствия, оказывается на грани голода: «по всей округе трудно найти кусок хлеба».

Итак, земля холодна и неплодородна. Вода. Кажется, в столь сыром месте с нею не может быть проблем. Однако в книге академика Петербургской Академии наук И. Г. Георги «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного», изданной в 1794 году, читаем: «Вода реки Невы, ее протоков и каналов, протекающая почти во все части города, есть самая легкая, светлая и чистая речная вода. Хотя приезжие во время первых двух месяцев пребывания своего в Санкт-Петербурге подвержены бывают поносам, надкожной сыпи и другим болезням, обыкновенно приписываемым действию Невской воды, однако же по сделанным химическим испытаниям г. Моделя явилось, что в 80 фунтах воды, черпанной выше города, находится только 68 гранов известковой земли и 3 грана извлекаемого травяного соку... Отсюда и явствует, что все припадки приезжих надлежит приписывать паче перемене образа жизни и другим причинам, нежели действию Невской воды, совершенно заменяющей недостаток колодезной и ключевой воды в столице».

Наука и, в частности, оптимистические выводы г. Моделя заслуживают всяческого уважения, но все же из текста следует, что колодцев и родников на этой земле мало, приходится пить невскую воду, а от нее сыпь, поносы... «Везде, где землю роют, – сообщает Георги, – обретают в глубине от 2 или, если много, до 7 футов болотную воду, почему в домах отчасти совсем погребов в земле иметь не могут, а хотя и имеются, то не более как на 2 или 3 фута глубины... Сие свойство земли причиняет кроме действий своих над воздухом и многие другие важные неудобства, как то: дороговизну и трудность в строении домов, раннейшее гниение деревянных зданий, недостаток годных колодцев и хороших погребов, грязные улицы и скоро портящиеся мостовые, беспокойствия и частью даже опасности от наводнений, коим западные части города подвержены».

Еще через полстолетия петербургский журналист В. Зотов будет с горьким юмором описывать родной климат: «С первыми числами июня оканчивается царство густой грязи и начинается царство жидкой. Календарь показывает наступление лета – предосторожность похвальная, без которой это было бы трудно заметить, и петербуржец, то промокая от дождя, то просыхая от холодного ветра, выставляет двойные рамы и, обвязывая простуженную щеку, говорит: „Пора на дачу“. И те, кто выезжал на дачу, и те, кто оставался в городе, все одинаково чихали. Только одни называли это инфлуэнцией и аккуратно выполняли все предписания домашнего доктора, а другие объясняли все волей Божьей и пользовались нашептанным водицей, помогавшей не хуже хваленой докторских пилюль».

Н. П. Анциферов, автор замечательной книги «Душа Петербурга», связывает характер города с его местоположением: «Город на болоте. Жизнь на болоте, в тумане, без корней, глубоко вошедших в животворящую мать сыру-землю. Нет корней, и душа распыляется.

Все врозь, какие-то блуждающие болотные огни, ненавидят ли, любят ли, всегда мучают друг друга, не способные слиться в одно органическое целое». Эти строки перекликаются с атмосферой петербургских романов Достоевского.

Воспетые Пушкиным белые ночи, с «прозрачным сумраком, блеском безлунным», прекрасны, но их немного в году – да и переселенцам эти ночи с их полярной красотой должны были казаться непривычными и пугающими. Все здесь было чужое, все не похожее на привычную русскую жизнь. И люди умирали в новой столице России, прикованные к ней силой, – от тоски по родине.

Первоначально застраивались левый берег Невы в районе Адмиралтейства и «аристократическая» часть города – Березовый остров. Центральной площадью Петербурга стала Троицкая площадь, расположенная напротив парадного входа в крепость. В 1710 году на ней возвели деревянную церковь Св. Троицы, поставленную Петром I в память о походе на Выборг. Возле церкви находился первый в городе питейный дом. Неподалеку был и двухэтажный Гостиный двор, выстроенный в форме прямоугольника. По царскому указу торговлю вести разрешалось только в Гостином дворе, а товары купцы хранили в казематах крепости. У ручья, протекавшего через территорию Гостиного двора, расположилась первая петербургская таможня.

В 1710 году Гостиный двор, подожженный злоумышленниками, сгорел дотла. На его пепелище по четырем углам поставили виселицы и повесили поджигателей. Вместо деревянного Гостиного двора на этом же месте построили новый, каменный.

На Троицкой площади находились Оружейный двор и первая в Петербурге типография. Питейный дом возле церкви назывался пышно – Царская торжественная аустерия, «посещаемая иногда знатными особами по выходе из церкви». Содержал ее приехавший из Гамбурга Ян Фельтен. В гостеприимной аустерии собирались офицеры, иностранцы, служившие в Петербурге. Это был своего рода клуб, который охотно посещали царь и придворные. Петр присвоил Фельтену звание «кухмейстера его величества», потому что нередко обедал в аустерии, платя за обед по серебряному рублю. Жена Фельтена была известна в городе как сваха, ее стараниями многие молодые люди, посещавшие аустерию, обзавелись семьями.

Неподалеку от аустерии высилась «триумфальная пирамида», на которой в торжественные дни устанавливали транспаранты³. Освещенные огнями фейерверка, они превращались в ярко расцвеченные картины. Возле Троицкой площади находилась и торговая гавань. В первые годы жизни Петербурга эта площадь была городским центром: здесь происходили торжественные церемонии, праздники, маскарады, здесь казнили важнейших преступников.

Кроме русских переселенцев значительную часть населения Петербурга составляли иностранцы. По указам Петра российские дипломаты в Европе приглашали и нанимали на службу мастеров различных профессий, архитекторов, художников, военных. Положение иностранцев, приехавших в Россию, коренным образом отличалось от положения русских всех сословий – «исконных рабов» царя. Они получали хорошее жалованье, многие привилегии, пользовались царским покровительством.

В Петербург съезжались люди разных национальностей, многие из них остались в России навсегда, породнившись с русским дворянством. Благодаря А. С. Пушкину мы помним об одном из таких экзотических пришельцев – о крестнике Петра А. П. Ганнибале. Однако «изо всех иностранных здесь жительствующих народов немцы суть многочисленнейшие... Преимущества, дарованные Петром Великим и наследниками его всем иностранцам, при-

³ Транспарант (*фр.* transparent – прозрачный) – прозрачная картина, освещаемая сзади; просветная картина.

влекали их в Санкт-Петербург; ибо всякий, кроме беспрепятственного исправления богослужения по собственному его закону веры, пользуется свободой своим искусством, ремеслом, художеством или иным честным образом приобретать себе стяжания и потом имеет право с имением возвращаться куда ему угодно», – писал И. Г. Георги.

Царь охотно встречался и беседовал с иностранными мастерами, как со всеми, у кого считал полезным учиться. Шотландец П. Г. Брюс, капитан русской армии, вспоминал, что во время приемов и ассамблей Петр поддерживал беседу «соответственно профессиям и занятиям присутствующих, особенно с капитанами иностранных торговых судов, очень подробно вникая в существо их торговли. Я видел, что голландские шкиперы держались с ним весьма вольно, называли его не иначе, как „шкипер Петер“, чем царь был очень доволен. Между тем он хорошо использовал получаемые от шкиперов сведения, постоянно заносил их в свою записную книжку». О своеобразном демократизме царя писал в «Истории Петра» А. С. Пушкин: «Когда народ встречался с царем, то по древнему обычаю падал перед ним на колени. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже сие под жестким указом, дабы народ ради его не марался в грязи».

Царь не был бездумным приверженцем всего, что приходило с Запада. Характерен случай, описанный одним из приближенных Петра А. К. Нартовым: в Петербург прибыла труппа иностранцев – плясунов и акробатов. По этому поводу царь строго отчитал обер-полицмейстера А. М. Девьера: «Здесь надобны художники, а не фигляры: Петербург не Париж. Пришельцам-шатунам сорить деньгами грех».

«Художниками», первыми архитекторами Петербурга, были итальянец Доменико Трезини, француз Жан-Батист Леблон и другие замечательные европейские мастера. Основателю города хотелось, чтобы новая столица России ни в чем не уступала европейским городам и походила на них. Художник А. Н. Бенуа, знаток и ценитель Петербурга, писал в статье «Живописный Петербург»: «Только намерение было сделать из Петербурга что-то голландское, а вышло свое, особенное, ровно ничего не имеющее с Амстердамом или Гаагой. Там узенькие особнячки, аккуратненькие, узенькие набережные, кривые улицы, кирпичные фасады, огромные окна... здесь – широко расплывшиеся, невысокие хоромы, огромная река с широкими берегами, прямые по линейке перспективы, штукатурка и небольшие оконца».

В 1708 году в Петербург из Москвы переехала семья царя, в 1712 году – двор. С 1712 года новый город действительно стал резиденцией царя и столицей России. Но странное дело: при невероятном количестве петровских указов не было указа о перенесении столицы, хотя уже в 1704 году Петр называл в письме Петербург именно так. Очевидно, он принял решение задолго до того, как, минуя законодательные формы, поставил Россию перед фактом, переселившись в новый город и постепенно переводя сюда административные учреждения. Для «разжалования» Москвы царь имел личные причины: с нею, хранительницей старого уклада, у него были давние счеты. В Москве ему пришлось бороться за власть со старшей сестрой Софьей; там в детстве и юности он пережил ужас боярских и народных смут, в которых погибли его родственники.

И Москва не любила Петра: в городе помнили его юность, с буйством и опасным озорством, его давнюю дружбу с иноземцами Кукуй-слободы, наконец, его расправу со стрельцами. Московские стрельцы – военный оплот столицы – открыто выступили на стороне царевны Софьи и поплатились за это. Ужас расправы, сотни замученных, повешенных на зубцах кремлевских стен; молодой царь, который не хуже палача рубил головы подданных, – такое не забывалось.

В 1702 году из Москвы раздалось слова Г. Талицкого о грядущем конце света и пришествии царя-антихриста – Петра. Талицкий и его приверженцы были казнены, но сказанное

ими разнеслось по всей России. В Москве, в этом «поповском городе», как называл его Петр, в окружении его сына Алексея складывались неясные планы поворота к старому.

По убеждению царя, этот город был тесен, мятежен, опасен, он противился царской воле. Столицей должен стать Санкт-Петербург, построенный по его плану, образ жизни и состав населения которого он продумал до мелочей. А главное, город стоял у моря, а к морю и мореходству царь питал особое пристрастие. Родственницы Петра – вдова его брата Ивана с дочерьми и сестры царя – прибыли в Петербург в апреле 1708 года. Царь с приближенными встречал их на судне у Шлиссельбурга, за ним следовал его флот. При встрече в их честь была «многая пушечная пальба», которая едва ли обрадовала бедных женщин.

По замыслу Петра, заселение столицы производилось по сословному принципу. По его указам сюда переселялось определенное количество дворян, купцов, ремесленников, крестьян, и каждому сословию отводили место для жительства.

Центром города должен был стать Васильевский остров, здесь следовало селиться дворянам, богатым купцам, иностранным мастерам. Знатным людям велено возводить дворцы на Васильевском острове или в окрестностях старого центра – Троицкой площади. На Адмиралтейском острове обосновались служащие Адмиралтейства, а на Городском (Березовом) – мастеровые и солдаты.

Все городские части застраивались улицами – линиями. В первых линиях стояли дома богатых людей, за ними следовали дома людей победнее.

«У царя страсть к прямым линиям. Все прямое, правильное кажется ему прекрасным. Если бы возможно было, он построил бы весь город по линейке и циркулю. Жителям указано строиться линейно, чтобы... улицы и переулки были ровны и изрядны... Гордость царя – бесконечно длинная, прямая, пересекающая весь город „Невская перспектива“. Она совсем пустынна среди пустынных болот, но уже обсажена тощими липками в три-четыре ряда и похожа на аллею. Содержится в большой чистоте. Каждую субботу подметают ее пленные шведы. Многие из этих геометрически правильных линий воображаемых улиц – почти без домов. Торчат только вежи» (Д. С. Мережковский. «Петр и Алексей»).

Сословный принцип соблюдался и при возведении домов. Строить полагалось не так, как хотелось хозяину, а строго по предписанию. Указ царя от 26 марта 1712 года гласил: «Тысяча лучших фамилий: стольников, дворян... обязаны строиться вверх по реке от царского дворца... из бревен и извести по драни, на староанглийский манер. Пятьсот именитейших купеческих семейств и пятьсот торговцев менее именитых должны выстроить себе деревянные дома на противоположном берегу Невы, против дворянских домов... Две тысячи ремесленников всякого рода: маляров, портных, столяров, кузнецов и проч. должны устроиться на той же стороне вплоть до Ниеншанца. В сумме сюда указом Сената должно быть выписано и населено к следующей зиме пять тысяч семейств».

За планировкой и строительством типовых зданий наблюдали архитекторы. Сначала дома были деревянными и мазанковыми, с 1714 года указано строить в столице лишь каменные. Возведение каменного Петербурга было решено с присущим царю размахом: по всей России с 1714 года запрещалось строить каменные здания в течение нескольких лет. Волевым в погоне за работой каменщики потянулись в Петербург.

Каждому переселенцу отводился участок земли, который он должен был застроить для себя по типовому проекту. Если он медлил, то подвергался штрафу, а на второй раз – более суровому наказанию. Поэтому город и рос с такой быстротой: к 1716 году в нем было около 34 тысяч зданий: деревянных, мазанковых, каменных. О последствиях этой сказочной быстроты в строительстве писал член польского посольства, посетивший Петербург в 1720 году: «Этот город поделен на очень большие участки, на которых каждый сенатор, министр и боярин должен иметь дворцы, иным пришлось поставить и три, если было приказано. Счастливым был тот, кому отвели землю на сухом месте, но тот, кому достались болото и топи, –

изрядно попотел, пока укрепил фундамент и выкорчевал лес... Еще и теперь, хотя дворцы уже закончены, они трясутся, когда мимо них проезжает коляска; это из-за слабого фундамента... Здесь есть церкви, коллегии, дворцы и так называемые лавки, в которых всего вдоволь... Дворцы просторны и выстроены из кирпича с флигелями, кухнями и удобствами, но поскольку строились в спешке, то тес отваливается уже при небольшом ветре...»

Предметом особых забот Петра I стал Васильевский остров – будущий центр столицы. Здесь возводились дворцы и правительственные здания. Остров должен был походить на Венецию или Амстердам. План его застройки, придуманный царем, составляли прямые линии: три проспекта – Большой, Средний и Малый – пересекались целой сетью улиц-линий. Проспекты и каждая третья линия должны были стать каналами. На пересечении каналов предполагалось устроить бассейны. Эта идея захватила самодержца-мечтателя всерьез. Вышел указ дворянам и купцам, населяющим остров, «при своих палатах делать гавани... делать к двум домам одну гавань, как покажет архитектор Трезини, а без гаваней тех палат не делать... понеже таковые гавани весьма тем жителям будут потребны для их домовых нужд». Передвигаться по будущим каналам острова следовало на лодках. Можно представить чувства бедных жителей, совершенно непривычных к такому флотскому существованию. Лишь генерал-губернатор Меншиков, «Данилыч», как ласково называл его царь, оказался на высоте: Большой канал (ныне Большой проспект Васильевского острова), ведущий к морю, должен был пересечь сад у его дворца и завершиться бассейном на площади (ныне Стрелка Васильевского острова).

Но в истории с каналами Васильевского острова бурная энергия царя столкнулась с тайным сопротивлением новой столицы. Конечно, каналы рыли, как было приказано, но работы двигались не слишком быстро, а Петр часто оставлял свой город, ведя дела в России и за границей. Правда, и издали он засыпал Петербург указами о строительстве и благоустройстве. В 1718 году царь вернулся в город после длительного отсутствия. Каналы на Васильевском острове частью уже были вырыты. Он вместе с Трезини объехал улицы-линии, осмотрел каналы, все больше мрачней. Они казались слишком узкими. Царь отправился к голландскому резиденту в Петербурге и попросил у него карту Амстердама. По карте вычислил ширину тамошних каналов – и подозрение оказалось верным: на Васильевском острове они были значительно уже. «Все испорчено!» – воскликнул Петр Великий в сильном огорчении. Копирование Венеции и Амстердама не удалось. Больше он к этой идее не возвращался. Каналы постепенно перестали рыть, жители не без тайной радости оставили сооружение гаваней «для домовых нужд». После смерти Петра работы были совсем заброшены. А засыпали каналы на Васильевском острове лишь во второй половине XVIII века. Большой канал превратился в очень широкий Большой проспект, по сторонам которого проложили дренажные канавы, а позже насадили аллеи; и не раз впоследствии городское управление ломало голову над тем, как благоустроить этот проспект шириной больше 85 метров!

Первым украшением Васильевского острова стал дворец А. Д. Меншикова, построенный в 1710 году. Он был сооружен с большим размахом, во-первых, потому, что царь требовал роскошного образа жизни от своих приближенных, а во-вторых, потому, что сам Меншиков, человек из низов, имел неодолимую тягу к роскоши и богатству. Усадьба Меншикова занимала огромную территорию: каменный дворец соединялся каналом с деревянным, называвшимся Посольским, за которым стояла каменная церковь с высокой колокольней и часами-курантами. Возле церкви находился дом княжеского дворецкого, лучший в городе после меншиковского. За постройками начинался сад с оранжереями, фонтаном, цветниками, окруженный красивой оградой. Большой канал, проходивший через сад, кончался на взморье, где стоял деревянный дом с башней-маяком и обзорной площадкой. Размеры усадьбы Меншикова были так велики, что впоследствии в ней разместилось крупное учебное заведение – Первый Кадетский корпус.

Меншиковский дворец – трехэтажное каменное здание, построенное «по итальянскому образцу», со сводчатыми потолками, множеством богато убранных помещений. На фронте его красовались шесть статуй, а боковые выступы фасада с балконами были увенчаны княжескими коронами. В этом дворце устраивались придворные праздники, здесь справляли свадьбы знатных людей. Дом Меншикова являлся своего рода «образцовым дворцом», где соотечественникам давался образец хорошего тона, а иностранцы должны были убедиться, что и в России можно жить изящно и изысканно. Возвращаясь после трудового дня и видя ярко освещенные окна Меншиковского дворца, слыша музыку, Петр с удовольствием замечал: «Вот развеселился Данилыч!» Но, поощряя стремление приближенных к стилю европейской придворной жизни, Петр Великий сурово наказывал их, когда деньги для этого они добывали из государственной казны. Одна из ссор царя с Меншиковым была связана с постройкой здания Двенадцати коллегий на Васильевском острове – замечательного архитектурного сооружения той эпохи.

Петр I реформировал аппарат управления страной: вместо старых Приказов были организованы двенадцать Коллегий, каждая из которых ведала какой-либо сферой государственной жизни. Они имели более четкие, сравнительно с Приказами, задачи и полномочия, сотрудников их подбирали под контролем царя. Кроме того, Петр I учредил Сенат – высший орган по делам законодательства и государственного управления. В 1722 году для Сената и двенадцати Коллегий на Васильевском острове начали строить здание по проекту Трезини, победившему на первом в России конкурсе проектов.

Главным, почти четырехсотметровым фасадом здание выходило на площадь, названную тогда Сенатской (ныне Менделеевская линия Васильевского острова). Оно состояло из двенадцати частей-корпусов – по числу Коллегий. Каждая часть имела свой вход и парадно оформленный фасад. Но строительство здания Двенадцати коллегий оказалось не только долгим (закончено в 1742 году): еще до окончания работ его пришлось ремонтировать. Отчасти потому, что Трезини не учел разрушительного действия местного климата, а отчасти потому, что Меншиков, взявший на себя руководство строительством, плутовал, поставляя плохие материалы по высокой цене. К казнокрадам Петр был беспощаден, невзирая на их титулы и заслуги. Нескольких сановников за это казнили. Меншикову повезло – по старой дружбе царь наказал его «домашним способом»: заметив плутовство, он прогнал своего генерал-губернатора по всей четырехсотметровой длине здания, немилосердно колотя его тяжелой тростью, и заставил исправить недоделки. Здание Двенадцати коллегий – один из лучших памятников петербургской архитектуры первой половины XVIII века. С 1819 года в нем находится Санкт-Петербургский университет.

За Меншиковским дворцом и зданием Двенадцати коллегий на первых линиях Васильевского острова располагалась Французская слобода: здесь жили художники, архитекторы, ремесленники, в основном французы. На набережной Невы строились типовые дома «именитых людей». Но желание царя сделать этот остров центром столицы не осуществилось. Центр постепенно сложился на противоположном берегу Невы.

Петр I отчасти сам предрешил это, выстроив там свою резиденцию – Летний дворец – в Летнем саду, месте придворных праздников и приемов. За Летним садом находился дворец жены Петра, Екатерины, окруженный домами ее придворных. Напротив Летнего сада, отделенный от него каналом, простирался Царицын луг (ныне Марсово поле), место народных гуляний. За Царицыным лугом, ближе к Адмиралтейству, начинались Финские шхеры – слобода финских и шведских мастеров – и Немецкая слобода.

На набережной Невы, неподалеку от дворца Петра, находились дворцы родственников царя. В окрестностях Литейного проспекта – дворец сына Петра I Алексея, построенный в 1712 году, дома его тетки Натальи Алексеевны и вдовы старшего брата Петра Марфы Матвеевны. Будущий центральный проспект Петербурга – Невский или Невская перспектива –

представлял собой длинную аллею, прорубленную в лесу и замощенную булыжником. По сторонам ее почти не было построек. Аллея вела к мужскому монастырю, основанному Петром в 1710 году в честь победы Александра Невского над шведами в Невской битве в 1240 году. Он именовался монастырем «Живоначальные Троицы и Святого Благоверного великого князя Александра Невского», но обычно его называли проще – Александро-Невским.

В 1712 году началось строительство первой деревянной церкви Благовещения, затем монастырских келий. Царь следил за возведением монастыря с живейшим участием, подарил ему больше двадцати пяти тысяч крепостных и обширные земли «на обзаведение». Государственная казна постоянно и очень щедро помогала монастырю. И вскоре он стал чрезвычайно богатым. Отчего же царь, вообще недолголюбивавший монахов, а в случае нужды и прибиравший к рукам церковное достояние (не хватало меди для пушек – приказано снимать и переплавлять церковные колокола), изымавший церковное имущество, так заботился о строительстве и укреплении нового монастыря?

Его быстрое возвышение входило в планы Петра I об усилении новой столицы. Прежние столицы России были освящены в глазах народа авторитетом почитаемых национальных святых: Киев – Киево-Печерской лаврой, Москва – исторической связью с Троице-Сергиевым монастырем. Это обстоятельство давало Киеву и Москве моральное право «первородства». Монастыри были центрами паломничества русских людей; их авторитет и величие осеяли и государственную власть, и личность царя-покровителя. Поэтому мысль Петра I об основании в Петербурге монастыря и его возвышении, о перенесении сюда мощей святого Александра Невского из Владимира была понятна.

Александро-Невский монастырь вырос на берегу реки Монастырки при впадении ее в Неву. Вскоре после возведения деревянной церкви Благовещения в нем началось каменное строительство по проекту Трезини: при жизни Петра I возвели церковь Благовещения с верхней Александро-Невской церковью, монашеские кельи, хозяйственные здания. В современном виде монастырь сложился к концу XVIII века. При Петре I у его главных ворот, обращенных к Неве, находилась пристань; на монастырской стене стояли пушки, салютовавшие в дни торжеств.

30 августа 1724 года монастырь Святого Благоверного князя Александра Невского праздновал свое величайшее торжество: сюда переносили из Владимира мощи Александра Невского. Святую реликвию везли на яхте из Новгорода. Навстречу ей вышла празднично украшенная петербургская флотилия. Возглавлял ее Петр, плывший в ладье со своими ближайшими сподвижниками. Ладья подошла к яхте, царь сам перенес реликвию в ладью, поставил под роскошный балдахин, встал у руля, а вельможи-гребцы заработали веслами. Монастырь встречал приближающуюся флотилию самым торжественным образом. Мощи поместили в только что освященную Александро-Невскую церковь, а впоследствии перенесли в главный собор монастыря – Троицкий.

При монастыре работали Славянская школа – первое духовное учебное заведение в Петербурге – и типография. Александро-Невский монастырь, по замыслу царя, должен был стать и усыпальницей царской семьи. В каменной Благовещенской церкви покоятся сестра Петра I Наталья Алексеевна, невестка Прасковья Федоровна, его сын Петр Петрович, умерший во младенчестве, ближайшие сподвижники. Нынешний главный собор – Свято-Троицкий – был также заложен по плану Петра I, но построили его лишь в конце XVIII века.

В 1797 году Александро-Невский монастырь стал лаврой⁴ – третьим по значению церковным центром после Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лавры и одним из богатейших монастырей России.

⁴ Лавра – название некоторых крупнейших мужских православных монастырей. К 1917 г. в России было 4 лавры: Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская и Почаевско-Успенская.

В других районах города, заселенных в Петрово время, находились пороховой завод, шпалерная фабрика, разного рода мастерские и убогие слободы работных людей. Численность населения Петербурга того времени историки определяют лишь приблизительно: предполагается, что к концу царствования Петра Великого в столице было около сорока тысяч жителей.

Таков в общих чертах очерк устройства Санкт-Петербурга в Петрово время. Пора обратиться к жизни и быту петербуржцев.

Будни, праздники, события

«Жесткий дух порядка». Обязанности горожан. Немецкое платье и налог на бороды. День Петра I. Царская забота о просвещении подданных. Праздники и торжества. «Всеитийный собор». Ассамблеи. Фискалы и обер-инквизиторы. Судьба царевича Алексея. Смерть Петра Великого

Жизнь Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII века, как обыкновенно случается в начале жизни городов, была полна трудностей, напряженной работы, но уже пробивались мало заметные ростки нового, которые дадут всходы позже. После первых, бедственных для переселенцев лет, тысяч смертей и жертв бытие постепенно входило в русло, складывался стиль жизни новой столицы. Этот стиль диктовался прежде всего волей Петра: царь вникал во все мелочи, его указы следовали один за другим. По поводу этой законодательной лихорадки даже советская историческая наука, с ее идеализацией личности «революционера на троне», признавала: «Деспотические приемы управления Петра находили выражение в подробнейшей регламентации жизни подданных царя. Из Петербурга шел поток указов, предписывающих жителям России, как они должны одеваться, строить жилища, жать, выделывать кожи, развлекаться, как они должны отнестись к предстоящему солнечному затмению... Русское законодательство не знало такого мелочного регламентирования, как при Петре».

Указы Петра были обращены ко всей России, но в первую очередь они неукоснительно соблюдались в Петербурге. Здесь жизнь устраивалась наново, ее можно было организовывать, не ломая старого, укоренившегося уклада. Жители столицы были регламентированы во всем: к примеру, под страхом ссылки и каторги запрещалось подбивать сапоги гвоздями и скобами, «ибо таковые портят полы, а купцам торговать такими сапогами» (указ 1715 года) – и многое в том же роде. Пушкин заметил, что обыкновенно петровские указы бывали рациональны, но наказание за их невыполнение смертью, каторгой, ссылкой делало их тираническими. Царь многому в русской жизни объявил беспощадную войну, и народ отвечал ему ненавистью. Мастерской, «опытным участком» для деятельности Петра Великого стал Петербург – образцовый город, создаваемый в противовес Москве и старой России.

«В Петербурге есть именно тот римский жесткий дух порядка, дух формально совершенной жизни, несносной для общественного разгильдяйства, но бесспорно не лишенный прелести», – писал А. Н. Бенуа в статье «Живописный Петербург». Прелесть «жесткого духа» для человека XX века, через двести лет после основания города, была очевиднее, чем для людей начала XVIII века, для русских, привычных к жизни, в которой наряду с деспотизмом присутствовал дающий известную свободу элемент «общественного разгильдяйства».

Трагическая борьба Петра со старой Россией, Петербурга с Москвой оплачена страданиями миллионов русских людей, в том числе и близких царя. Мы уже приводили слова, которые льстили Петру Великому: «Бог идеже хочет, побеждается естества чин». Местом противоборства воли Петра и «чина естества», законов природы, стала новая столица.

«Петербургская осенняя ночь с ее туманами или ветрами напоминает, что под городом древний хаос шевелится», – писал Н. П. Анциферов о таящейся до времени природной стихии, грозящей городу. Ее сила дала о себе знать уже в начале его существования: первое большое наводнение случилось в августе 1703 года. В 1706 году царь сообщал в письме Меншикову, что в Петербурге опять наводнение, в царских покоях вода стояла в 21 дюйм (52 см. – Е. И.) высотой, продолжалось это часа три, по улицам ездили на лодках, и «зело утешно было видеть», как не только мужики, но и бабы сидели на деревьях и крышах. Сообщается об этом мельком и в юмористическом тоне. Письмо помечено по обыкновению: «Из

парадиза». Это наводнение уничтожило многие постройки, не говоря уже о землянках, в которых жили рабочие. Низкие болотистые берега Невы ежегодно заливало водой; иногда во время сильных наводнений вода не спадала в течение нескольких часов.

В таких случаях, как, например, в 1715 году, «весь город понят (покрыт. – *Е. И.*) был водой». При жизни Петра подобных стихийных бедствий было несколько: в 1703, 1706, 1715, 1720, 1724 годах. И в отличие от царского, их описания у других очевидцев, например у Ф. В. Берхгольца, далеко не юмористические: «Из дома... можно было видеть все, что происходило на реке. Невозможно описать, какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частью пустых, частью наполненных людьми; они неслись по воде, гонимые бурей, навстречу почти неминуемой гибели. Со всех сторон плыло такое огромное количество дров, что можно было в один день наловить их на целую зиму... На дворе вода доходила лошадям по брюхо; на улицах же почти везде можно было ездить на лодках. Ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш». Наводнения стали постоянным бедствием Петербурга, и нам не раз придется упоминать о них.

Другой сферой борьбы царя с «чином естества» стало нежелание его подданных селиться в определенных для них частях города. Несколько раз повторялись указы о ломке крыш, о разрушении домов тех, кто поселился в не положенном по сословному чину месте или построил дом не по типовому проекту. Однако подданные порой проявляли возмутительную самостоятельность, и жесткий сословный принцип расселения не был соблюден в той мере, в какой требовал Петр. Здравый смысл, инстинкт, заставляющий выбирать оптимальные условия жизни, сопротивлялись воле царя со стойкостью закона природы.

Вообще некоторые периоды истории России поражают, на первый взгляд, отсутствием волевого (за исключением крестьянских восстаний) народного сопротивления тирании. Но еще поразительнее другое свойство: способность народа выжить, выстоять в самые тяжелые времена, каких было немало в истории Отечества, – и не просто физически выжить, а сохранить человечность, доброту, возможность духовного возрождения.

Петербургу суждено было жить, и в нем исподволь складывался собственный бытовой уклад, появлялись новые общины. Среди первых горожан оказались переселенцы из северных областей России, которым отводилось по царскому указу место в окрестностях бывшей шведской крепости Ниеншанц. Среди них преобладали плотники, приписанные к Адмиралтейству. Они и составили население Большой и Малой Охты.

По специальному петровскому указу охтинцы считались вольными поселенцами и наделялись землей. На своей городской окраине они быстро обзавелись хозяйством, стали заниматься огородничеством и, пережив первые трудные десятилетия, образовали крепкую, сплоченную общину. Это были сильные, красивые, рослые люди, мастера на все руки.

К концу XVIII века среди охтинцев насчитывалось немало людей зажиточных: отсюда в центр города поставляли молочные продукты. В романе Пушкина «Евгений Онегин», в картине утренней жизни столицы появляется характерная фигура жительницы Охты, разносящей молоко: «С кувшином охтинка спешит».

Эта община жила замкнуто и подчинялась строго установленным правилам. Поэтому охтинцы следили за тем, чтобы девушки из слободы не выходили замуж на сторону. А красивые, стройные охтинки привлекали внимание. И горе было купцу или мещанину, который всерьез начинал ухаживание, появляясь на улочках Охты. Местная молодежь колотила незадачливого воздыхателя, чтобы он поискал себе подругу в других местах.

Не только Охта, но и другие части столицы со временем приобрели собственный колорит, характерные черты.

В 1710-е годы в столице началось мощение улиц. В окрестностях города почти не было пригодного камня, поэтому в 1714 году Петр издал указ о том, чтобы его доставляли все

прибывающие в Петербург суда, обозы и даже пешеходы. Мощение начали с центральных улиц; занимались этим пленные шведы под началом немецких каменщиков. А на остальных улицах и в переулках каждый домовладелец должен был за свой счет замостить булыжником участок перед своим домом до середины проезжей части и выстлать плитами пешеходную дорожку во всю длину дома. Вообще по указам Петра I у жителей столицы было множество обязанностей. Вплоть до того, что хозяевам домов на набережной Невы предписывалось своими силами извлекать из воды затонувшие возле их домов суда!

Каждую улицу закрывали на ночь шлагбаумами, и ее обитатели поочередно несли ночную караульную службу. В эти часы по городу разрешалось ходить лишь знатным людям, командам солдат, врачам и священникам. Они, в свою очередь, могли появляться на улице только с факелами. Караульная служба была необходима, так как в городе промышляло много разбойников. Пойманного разбойника немедленно казнили; на Троицкой площади стояли столбы с железными прутьями, на которые насаживали головы казненных; здесь же лежали их четвертованные тела. Однако грабежи не прекращались, и немудрено – ведь город был местом отбывания каторжных работ!

В 1723 году на центральных улицах Петербурга появились фонари: стеклянные шары с горелками, установленные на столбах. Каждое утро с августа по апрель фонарщики обходили улицы, чистили и заправляли фонари конопляным маслом. На перекрестках центральных улиц стояли «бутошники» – полицейские, вооруженные дубинками. Полицию в Петербурге учредили в 1718 году, и первый генерал-полицеймейстер А. М. Девьер (бывший денщик Петра) получил инструкцию, составленную самим царем. В обязанности полиции входил надзор за правильностью построек и чистотой города, тушение пожаров и обеспечение безопасности горожан, санитарная инспекция и наблюдение за опрятностью одежды горожан – и даже принуждение их к лечению.

Петр открывал госпитали и больницы, приглашал европейских врачей и даже врачевал сам (особенно любил удалять зубы, так что иногда придворные, желая угодить царю, обращались к нему с этой просьбой, жертвуя для карьеры зубами). Русские, до этих пор предпочитавшие средства народной медицины, с большим подозрением относились к медицине европейской. Поэтому Петр I издал указ, по которому лечение сделалось в Петербурге обязательным для всех под страхом жестокого наказания. Каждый хозяин дома, в котором кто-либо заболел, обязан был немедленно известить об этом полицию, а та присылала врача.

Среди гуманных нововведений Петра Великого упомянем учреждение домов для престарелых и детских приютов. Первый дом для престарелых женщин открыла в Петербурге сестра царя Наталья Алексеевна. После смерти Натальи Алексеевны ее дом стал первым в России детским приютом. Здесь воспитывались сироты, незаконнорожденные подкидыши. К дому пристроили чулан, куда каждый мог принести новорожденного, не объявляя имен родителей. Иногда крепостные подбрасывали сюда младенцев, ибо ребенок, воспитанный государством, являлся свободным человеком. В человеколюбивом указе Петра об учреждении приютов есть и комический момент: незаконнорожденных, воспитывавшихся в них, велено было записывать в художники.

В неустоявшейся жизни города, в котором воплощались идеи царя, часто соседствовало драматическое и комическое. Например, Петр страстно любил мореходство, а посему его подданные, жители столицы, должны были разделять это пристрастие. В первую очередь показать пример надлежало царской семье. К сожалению, среди ее членов преобладали женщины: вдовы братьев Петра с дочерьми, сестра Наталья. Этим дамам и предстояло показать героический пример мореплавания. По воскресеньям царь вывозил свое семейство кататься. Дородные русские боярыни, не столь давно покинувшие терема, в которых, по старому обычаю, женщины проводили большую часть времени, сменили тяжелые сарафаны на деколь-

тированные голландские платья и исполняли желание энергичного родственника. Но Петр видел, как мало удовольствия доставляло им это развлечение, и это сердило его.

«Петр во всех взорах читал тот древний страх воды, с которым тщетно боролся всю жизнь: жди горя с моря, беды от воды, где вода, там и беда, и царь воды не уймет» (Д. С. Мережковский. «Петр и Алексей»). И лишь жена царя, Екатерина, охотно делила с ним этот досуг. Следом за родственниками и придворными плавать велено было всем жителям Петербурга. Передвижение по городу представляло большие трудности, а в окрестностях вообще не было хороших дорог, и сбившийся с тропинки путник попадал в болотную топь. Да и в самом Петербурге, при его неравномерной застройке, по многим улицам из-за грязи трудно было проехать на лошади. В 1717 году вышел царский указ: дабы сократить расходы на лошадей и уподобить Петербург Венеции, следовало бесплатно раздать знатым людям и государственным служащим шлюпки для езды по воде. Шлюпки раздали, а для их починки возле Летнего сада построили верфь под начальством капитана Потемкина. Но поскольку горожане не проявляли особого рвения немедленно уподобиться венецианцам, то «велено всем жителям выезжать на Неву на экзерцицию⁵ по воскресеньям и праздникам: в мае – по 3 1/2 часа, в июне – по 4, в июле – по 3 1/2, в августе – по 3, в сентябре – по 2 1/2, в октябре – по 2. Смотри тиранский о том закон. Петр называл это невским флотом, а Потемкина – невским адмиралом», – писал А. С. Пушкин в «Истории Петра». Эти экзерциции петербуржцев продолжались вплоть до смерти Петра I.

Такие же тиранические формы приняла борьба царя за изменение внешнего вида его подданных. Еще в Москве, вернувшись из-за границы, он приказал москвичам сбрить бороды. Борода в России издревле считалась символом достоинства мужчины, и лишиться ее означало подвергнуться глубокому унижению. Из-за тиранического требования царя вспыхнул не один бунт, разыгралась не одна трагедия. Столкнувшись с сопротивлением, царь решил применить экономические меры, установив новую статью государственного дохода – налог за право носить бороду. И многие, особенно купцы, приверженцы старины, предпочли платить большие деньги, но сохранить бороды. Был выбит специальный жетон, который бородач, уплативший налог, носил на шее во избежание недоразумения.

В Петербурге было не велено продавать и носить (всем, кроме крестьян) русское платье. В связи с этим стоит вспомнить историю о том, как Меншиков в очередной раз сумел угодить царю. Чиновники одной из коллегий долго откупались, отказываясь брить бороды и носить немецкое платье. Меншиков всячески уговаривал их и даже велел приготовить для них одежду «немецкого фасона». Но чиновники упрямылись. Тогда он пошел на обман: призвал их к себе и объявил «царский указ»: или сейчас же побриться и переодеться – или в Сибирь. Во дворе стояло несколько телег, приготовленных, по соображениям несчастных чиновников, везти их в Сибирь. С плачем сели они в эти телеги. Меншиков был разочарован. Но тут самый молодой из чиновников, на днях женившийся, соскочил с телеги и стал стаскивать с себя русский кафтан. Его примеру последовали остальные. Через некоторое время на службе в соборе Петр заметил странную группу одинаково одетых людей и спросил, кто они. Тут Меншиков и доложил ему о своем подвиге. Царь очень обрадовался и на следующий день пришел на пир к преображенным чиновникам.

А вот указ о горожанах, впавших в другой грех, – они посмели вместо положенного немецкого платья носить одежду иного фасона: «Нами замечено, что на Невской першпективе и в Ассамблее недоросли отцов знатных в нарушение этикету и регламенту штиля в гишпанских камзолах и панталонах щеголяют дерзко. Господину полицмейстеру Санкт-Петербурга указую впредь оных щеголей с рвением великим вылавливать, сводить в литейную часть, бить кнутом и батогами, пока от гишпанских панталонов зело похабный вид не

⁵ Экзерциция (*лат.* *exercitium*) – военные упражнения для обучения солдат.

покажется. На звание и именитость не взирать, также на вопли наказуемых». Такие указы не нуждаются в комментариях.

Город в Петрово время жил напряженной, деятельной жизнью. Царь первым подавал в этом пример. Вот свидетельства современников-иностранцев, побывавших в России: «Сам он не теряет понапрасну времени, а [всегда] занимается тем или иным делом. Обычно же (когда находится в своей новой резиденции Петербурге) он в три-четыре часа утра присутствует в Тайном совете. Затем посещает кораблестроительную верфь, распоряжается там работой и прикладывает собственную руку, так как знает это дело в тонкостях от малейшей мелочи до самого главного. В 9 или 10 часов он развлекается работой на токарном станке, изготавливая красивейшие вещи. Затем в 11 часов у него короткая трапеза, а послеполуденное время после краткого, по русскому обычаю, сна проводит также за осмотром строительства и иными подобными делами. Вечером же он делает визит или ужинает и, рано с этим покончив, ночью почивает». «Он не любит [карточной] игры, охоты и тому подобного, а развлечения ищет только на воде... Вода кажется его истинной стихией, и его часто видят целый день плавающим на яхте... или шлюпке и упражняющимся в плавании под парусами... Эта страсть настолько сильна, что его величество видят на воде и в дождь, и в снег, и в любую погоду, какой бы она ни была. Когда большая река Нева уже настолько замерзла, что лишь в одном месте, перед резиденцией его величества, оставалась еще сотня шагов чистой воды, он тем не менее плывал по ней под парусом на маленьком суденышке взад и вперед с обычным успехом».

Царь умен и деятелен – и того же требует от других. Замечателен его указ Сенату: «Указую господам сенаторам, буде надобность речь держать в присутствии Государя российского, творить оную не по-писаному, а токмо своими словами, дабы дурь каждого всякому была видна». На запрос военной коллегии в 1724 году о том, как определять знатность дворянства, Петр отвечал: «Знатное дворянство по годности считать».

Петр Великий радел о просвещении России. По его указам молодых дворян посылали в Европу для изучения военного и инженерного дела, кораблестроения, искусств и ремесел. Книгоиздательство в его время было поставлено на новую основу: выходила не только религиозная, но и светская, военная, техническая литература, главным образом переводная. В 1711 году в Петербурге появилась газета «Санкт-Петербургские ведомости». В столице открыли первую библиотеку и первый общедоступный театр, находившийся под покровительством сестры царя Натальи Алексеевны. До того времени театр в России был придворным развлечением; народными зрелищами оставались балаганы, представления скоморохов, раек. Петр I стремился включить театр в народную культуру, чтобы использовать его для пропаганды государственных перемен.

Репертуар первого петербургского театра большей частью составляли пьесы – аллегории, прославляющие дела Петра и победы России, и инсценировки мифологических и исторических сюжетов. Это были слабые начатки театрального искусства, но на сцене играли русские актеры, и горожанам был открыт доступ в зрительный зал.

Другим важным нововведением Петра I стало учреждение Академии наук, проект создания которой разработал он сам. Академия наук была открыта в 1725 году, уже после его смерти. Среди иностранных ученых, приехавших работать в Петербургскую Академию наук, были люди, имена которых известны в истории науки: математики Л. Эйлер и Д. Бернулли, астроном Ж. Н. Делиль. По замыслу Петра I, главной задачей Академии было воспитание будущих русских ученых, поэтому при ней открылись гимназия и университет.

Еще одним «научным предприятием» Петра I стало собрание раритетов – редкостей, диковинок. В 1718 году он объявил указом о создании музея – Кунсткамеры. Тут же последовало обращение к народу: «...Известно нам, что как в человеческой породе, так и в зверской и птичьей случается, что родится монстра, т. е. уроды, которые всегда во всех государствах

собираются для диковинки... Несколько уже и принесено: два младенца, каждый о двух головах, два, которые срослись телами. Однако ж в таком великом государстве может более быть, но таят невежды, чая, что такие уроды родятся от действия дьявольского... Также, ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи – не такие, как у нас ныне есть, или такие, да зело велики или малы... также какие старые надписи на камнях... и прочее, что зело старо и необыкновенно...» – тот должен немедленно отдать находку коменданту города.

За каждого принесенного уroda или диковинку назначалась плата. И уродов вместе с прочими редкостями понесли... Эти младенцы о двух головах, скелет великана и прочее выставлены в особом зале Кунсткамеры, ныне Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук – одного из богатейших в мире этнографических собраний. А начало музею положила петровская коллекция. «Сам он был странный монарх!» – заметил Пушкин в связи с указом о монстрах. И странное было время, заметим мы, – ведь увлечение монстрами, карликами, великанами было европейской модой, и Петр лишь хотел не отставать в «области культуры» от прочих монархов. Часть раритетов царь, пойдя на расходы, купил у европейских коллекционеров.

Первоначально Кунсткамера располагалась в петербургском дворце А. В. Кикина, приближенного Петра, казненного по делу царевича Алексея. Чтобы привлечь туда народ, Петр приказал бесплатно угощать посетителей вином и кофе, для чего Кунсткамера получала из казны определенную сумму. Это угощение тоже являлось мерой просвещения: ведь и употребление кофе было возведено Петром в ранг государственной необходимости и стало обязательным для дворянства. Был ли Петр беззаветным приверженцем всего западного в ущерб русскому? Нет, он заимствовал с Запада главным образом то, что содействовало укреплению императорской власти, экономическим и культурным переменам. «Ему приписывали увлечения, мало сходные с его рассудительным характером... Кто-то при государе стал расхваливать парижские обычаи и манеры светского обхождения. Петр, видевший Париж, возразил: „Хорошо перенимать у французов науки и художества, я бы хотел видеть это у себя, а впрочем, Париж воняет...“ Он знал, что хорошо в Европе, но никогда не обольщался ею, и то хорошее, что удалось перенять оттуда, считал не ее благосклонным даром, а милостью Провидения, чудом Божиим, совершенным для русского народа», – писал И. Н. Божерянов.

Для пропаганды своих нововведений в столице Петр I использовал праздники, юбилеи побед, различные торжественные события. И тут он не собирался следовать старой традиции, а сам придумывал церемонии большинства торжеств. Как отмечали важные события и праздники в допетровской Руси? Главным действием, объединявшим всех, было богослужение. Царь появлялся в соборе в тяжелых, сверкающих драгоценными камнями, не гнущихся от золотого шитья ризах. А после литургии, общей благодарственной молитвы, во дворце устраивали пир, а народ вольно веселился в своих домах или в кабаках.

Конечно, Петр не мог и не хотел нарушать этой традиции в основных моментах, но и здесь он не обошелся без новшеств.

Праздники годовщин побед в Северной войне начинались в Петербурге богослужением на Троицкой площади. На ней ставилась походная церковь – палатка с алтарем, шагах в пятнадцать от нее сидел царь, облаченный не в парадные ризы, а в тот мундир, который был на нем в день «виктории», годовщину которой отмечали. Так, при праздновании победы в Полтавской битве он явился народу в старом зеленом кафтане с красными отворотами, с кожаной черной портупеей, в зеленых чулках и старых башмаках. В правой руке Петр держал пику, в левой – офицерскую шляпу. Это было эффектное зрелище: смуглолицый, худой,

ростом выше двух метров⁶, он выделялся в любой толпе. Царя окружала гвардия, дальше толпился народ. В праздничные дни после торжественного богослужения палили пушки, к вечеру устраивались фейерверки, народные гуляния или маскарады. Маскарады на Троицкой площади бывали нередко, иногда они длились по нескольку дней.

С особой пышностью в Петербурге отмечали установление «вечного» Ништадтского мира с Швецией в 1721 году, после заключения которого Петр принял титул императора, именованная «Великий» и «отец Отечества». 10 сентября рано утром император Петр Великий явился на Троицкой площади перед зданием Сената в костюме корабельного барабанщика и, отбивая дробь на барабане, объявил народу и войскам о заключении Ништадтского мира. Ликованию их не было предела – ведь Северная война продолжалась двадцать один год! По этому случаю было сожжено множество фейерверков, с Петропавловской крепости салютовали пушки, празднование и маскарады продолжались восемь дней.

Театрализованных действий в городе было много. Ледостав на Неве торжественно объявлял шут царя. Под барабанный бой он в пестром наряде переходил реку по льду в сопровождении ряженых с холщовым знаменем, лопатами, веревками и крюками. Весеннее открытие судоходства отмечалось пушечными выстрелами и парадом судов на Неве. Петровские праздники интересны для нас, потомков: в них было стремление создать новые традиции взамен старых, смешение высокой патетики с грубоватым юмором, а порой и отталкивающий гротеск.

Так, царь еще в молодости учредил шутовской «всепитейный собор», который вслед за ним перебрался в Петербург. Во главе собора стояли «князь-папа» и «кардиналы». Вступить в это общество не составляло труда: для этого надо было быть горьким пьяницей.

Первый князь-папа Н. М. Зотов вскоре и умер в Петербурге от пьянства. Его преемник П. И. Бутурлин должен был жениться на вдове Зотова. Петр I сам разработал церемониал шутовской свадьбы.

Начиналась она удивительным зрелищем: князь-папа и его кардиналы переправлялись через Неву на плотках, составленных из винных бочек. На первом плоту находился огромный котел с пивом, а в котле – большой ковш, в котором сидел князь-папа. Рядом с котлом стоял Нептун, поворачивавший трезубцем ковш с князь-папой.

Закончилась свадьба не менее странно: первую ночь новобрачные провели в деревянной пирамиде на Троицкой площади. Пирамида освещалась изнутри, в ее стенах были просверлены дыры, через которые любопытные могли заглядывать внутрь. Эта шутовская свадьба оказалась не единственной в истории города, из последующих особенно знаменитой стала свадьба в Ледяном доме, о которой мы расскажем позже.

Придворные праздники петровского времени являли дикое смешение стилей: быстро усваивавшие светские манеры кавалеры и дамы могли по воле царя стать невольными участниками безобразной попойки.

В дневнике камер-юнкера Берхгольца описан один из таких праздников. Во время пира на корабле «Св. Пантелеймон» по случаю его освящения царь заметил, что придворные мало пьют. Он приказал подать каждому гостю по огромному стакану вина, смешанного с водкой, а сам ушел. Закончилось торжество плачевно: «Царь... не возвращался более вниз. Уходя в неудовольствии к царице, он поставил часовых, чтоб никто и ни под каким видом не мог уехать с корабля до его приказа... Между тем внизу веселились на славу: почти все были пьяны, но все еще продолжали пить до последней возможности. Великий адмирал (Ф. М. Апраксин. – *Е. И.*) до того напился, что плакал как ребенок... Князь Меншиков так опьянел, что упал замертво, и его люди были принуждены послать за княгиней и ее сестрою, которые с помощью разных спиртов привели его немного в чувство и испросили у царя позволения

⁶ Рост Петра I составлял 2 метра 4 сантиметра.

ехать с ним домой». Берхгольц оставил столь же выразительные описания придворных увеселений в Летнем саду.

Но, допуская подобные безобразия, царь требовал от подданных культуры, отказа от традиционной одежды, обычаев, вкусов, а от дворянства – еще и «политесу», утонченной светскости. С этой целью в 1718 году он учредил в Петербурге ассамблеи, присутствие на которых было обязательным для дворян.

В царском указе об ассамблеях есть разъяснение смысла этого нововведения и его пользы: «Ассамблеи – слово французское, которого на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать: вольное в котором доме собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела, ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава». Собирались на ассамблеи поочередно у вельмож, имевших просторные дома. Хозяева должны были отвести для этого три залы: для танцев, для игр в шахматы и шашки; в третьей зале мужчины пили вино и курили.

Цель ассамблей – приучить русское дворянство к светскому общению. Присутствие обязательно для людей всех возрастов, являться следует в праздничном платье; присутствие европейских дипломатов и других иностранцев весьма желательно.

Ассамблеи первых лет были странными собраниями: сюда съезжались переселенные из Москвы бояре, сменившие, кляня судьбу, привычную одежду на «срамной» новый наряд, не рассчитанный на здешний климат; их декольтированные жены и дочери, не знавшие, как держаться в обществе, и конфузившиеся в присутствии мужчин; новое дворянство – неродовитые офицеры и чиновники, сделавшие карьеру благодаря своей энергии, привыкшие к полям сражений и мастерским больше, чем к бальным залам; жители Французской, Немецкой, Финской и других слобод с семьями; купцы и моряки, прибывшие в Петербург со всех концов света; дипломаты, с ироническим недоумением оглядывающие это собрание. И царь – с неизменной трубкой в зубах, нередко в будничной одежде – распорядитель и надзиратель на этом сборище.

Молодежи полагалось танцевать гавоты и прочие неведомые танцы и куртуазно беседовать. Но и юноши знатнейших фамилий, и безвестные офицеры не умели галантно беседовать о «приятных предметах», да и не до того им было: они с напряженным вниманием следили за тем, как танцует и держится молодежь из Финских шхер, Немецкой слободы, – перенимали. А затем, с каменными лицами, молчаливой старательностью, и сами вступали в круг танцующих.

Из соседних комнат долетали разноязыкий говор, смех, звон стаканов, табачный дым. Там тон задавал царь и его приближенные, соседствовали дипломаты и шкиперы, заезжие иностранцы и русские сановники. Здесь же находился ужасный кубок Большого Орла. С присущей Петру логикой он учредил за нарушение правил хорошего тона штраф: выпить этот огромный кубок вина или водки! Осушив его, гость падал замертво и этикет нарушать уже не мог. Ассамблеи, сообразно вкусам царя, походили на праздничные вечеринки в немецком или голландском доме среднего достатка, но имели особый отпечаток благодаря диким приемам вроде кубка Большого Орла, обязательного присутствия на них и строго регламентированного поведения. Они мало кому доставляли удовольствие.

Иностранные посланники жаловались, что царь применяет извечный способ русской дипломатии деморализовать партнеров – спаивает их. Для русского дворянства обязательная роскошь, выезды и приемы были чрезмерно разорительны. Ассамблеи могли радовать только молодежь, быстро усвоившую навыки и моды «галантного штиля». Однако они сыграли свою роль в европеизации русского дворянства, и через пару десятков лет «русские Венус» были на равных приняты при европейских дворах, а заезжий путешественник-француз отмечал, что «нигде не танцуют менуэта так пристойно, как в Санкт-Петербурге».

В рассказе о праздниках мы остановились лишь на нескольких особенностях, характерных для торжеств Петровской эпохи, и еще раз вернемся к ним в главе «Парадиз в парадизе». В этих празднествах отразились характер эпохи и незаурядная личность Петра I, о котором Бранденбургская курфюрстина София Шарлотта писала, что он одновременно «и очень хороший, и очень плохой человек».

Обратимся к нескольким событиям в истории Петербурга, вошедшим в «миф города», запечатлевшимся в народной памяти и литературе. Они касаются гибели царевича Алексея и отношения современников к Петру I.

Характер Петра, его деятельность, нескончаемые усилия и жертвы, которые требовались от народа, вызвали в России не только ненависть и негодование, но и мистический ужас перед царем. Действительно, энергия Петра I поражала воображение: большую часть времени он проводил в дороге, неутомимо колеся по России, внезапно появляясь то на верфях в Архангельске, то на Урале, а то вдруг оказываясь за границей. Никто не знал, где он может неожиданно явиться. Всем следовало неутомимо работать, ибо за проступки и лень царь карал жестоко. Его страшились все.

В народе ходили слухи о дьявольской природе Петра: «Последние времена нынче настали. Пишут в книгах, что будет антихрист. Он-де государь – антихрист, потому что людей кнутом бьет и головы сечет своими руками, и с немцами табак тянет» – такими показаниями, вырванными под пыткой, пестрят страницы следственных дел Тайного приказа и Тайной канцелярии.

На эти слухи царь отвечал жестокими мерами. Он официально утвердил должность фискала – доносчика. Задача фискалов – следить за исполнением указов царя, раскрывать злоупотребления, но главное дело – политический сыск. Фискал должен не предотвращать преступление, но, выждав, когда оно совершится, донести! За ложный донос он не нес никакой ответственности, а за подтвердившийся получал половину имущества обличенного. Это и составляло его доход, было государственной платой! Можно представить страшные последствия такой системы сыска. По указу Петра в каждом городе должно быть определенное количество государственных фискалов, подчинявшихся городскому обер-фискалу. Петербург был наводнен ими. Фискалов – алчных, готовых на любую подлость и ложь, одинаково ненавидели все. «Подлые люди, если им не будет десяти копеек на водку, выкрикивают „слово и дело“ (формула желания сделать донос. – *Е. И.*), и обвиняемый в оковах ведется на допрос», – свидетельствовал современник.

Недовольные сплывались вокруг церкви. Она еще сохраняла определенную самостоятельность, подчинялась не царю, а патриарху. Основная часть духовенства находилась в оппозиции к Петру – и он, зная это, первым нанес удар: в 1721 году царь упразднил патриаршество, заменив его Синодом – государственным учреждением, ведающим делами церкви. Возглавлял Синод обер-прокурор (каково звание!). Первым главой Синода стал митрополит Стефан Яворский, твердый приверженец Петра.

По указу царя был учрежден институт церковных фискалов: «инквизиторы» и «обер-инквизиторы». Но эти названия вызвали такой шок в церкви, в том числе и у православных «инквизиторов», что от них пришлось отказаться.

Между тем в Петербурге и во всей стране нарастало возмущение действиями фискалов. По их указке в столице ломали дома, построенные не по утвержденному образцу, арестовывали людей. Фискалы, в свою очередь, жаловались царю, что их «все лают». Соглядатаи были везде: даже к невестке царя, жене Алексея Шарлотте, приставили для этого шутиху Петра – «князь-игуменью Санкт-Петербургскую», пьяницу Ржевскую. По приказу отца постоянно следили и за самим царевичем.

В 1718 году в Петербурге состоялся суд над Алексеем. Он был сыном Петра от первой жены, Евдокии Лопухиной. Через несколько лет после его рождения Петр заточил жену в

монастырь, а воспитание сына поручил родственницам. Затем Алексей учился в Европе. Отец, постоянно занятый делами, уделял сыну мало внимания, а тот скорее боялся его, чем любил. Так, вернувшись в Петербург из-за границы, он получил приказ Петра изготовить какие-то чертежи и, чтобы избежать экзамена грозного отца, выстрелил себе в руку.

Много лет Алексей втайне поддерживал связь со своей опальной матерью. Царь сам выбрал для сына жену – принцессу Шарлотту Брауншвейг-Вольфенбюттельскую, но семейная жизнь супругов не была счастливой. Шарлотта родила двоих детей: Петра (будущий император Петр II) и Наталью.

Отношения царевича с отцом становились все хуже, хотя Алексей старался наладить их. Петр был непримирим и нетерпим: он признавал, что сын умен, но обвинял его в слабых характеристиках. В день смерти Шарлотты Алексею передали письмо отца: «Горесть меня снedaет, видя тебя, наследника, на правление государственных дел непотребного. Еще же вспомяну, какого злого нрава и упрямого ты исполнен. Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не только бранивал, но и бивал, к тому же сколько ни говорю с тобою, но все даром... и ничего делать не хочешь, только бы в доме быть и им веселиться».

Такое вот утешение в трудный час... Педагогические методы Петра были, как видно из письма, самые незатейливые. Но почему же царь был столь непримирим к сыну?

А. С. Пушкин в «Истории Петра» называет основную причину: «Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся... была на его стороне. Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало также на него все свои надежды. Петр видел в сыне препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания».

Кроме того, с 1712 года женой царя официально стала Марта Скавронская, принявшая при переходе в православие имя Екатерины Алексеевны. В новой семье Петра к этому времени были две дочери – Анна и Елизавета, а в 1715 году родился сын Петр. Царь любил Екатерину, их сын был желанным поздним ребенком. Между тем по закону власть после смерти Петра I переходила к Алексею. Это тревожило царственных супругов.

В 1716 году царь потребовал от Алексея «исправления» или отречения от права на престол и ухода в монастырь. Тогда царевич решился на побег: он скрывался сначала в Вене, а затем в Риме. Царь использовал все средства дипломатии и сыска; его посланник П. А. Толстой сумел угрозами и обещаниями вернуть Алексея в Россию. После этого Петр I объявил, что Алексей лишается права на престол. По приказу царя его приближенные принесли присягу малолетнему царевичу Петру Петровичу как законному наследнику престола. Но пока Алексей был жив, угроза его возможного воцарения оставалась.

Царевича Алексея перевезли из Москвы в Петербург и заключили в Петропавловскую крепость. Для расследования его дела учредили Тайную канцелярию – политический застенек, еще несколько лет после этого наводивший ужас на Петербург и на всю страну. Царь много раз допрашивал сына, и тот рассказывал все, называя имена своих сторонников. Казематы крепости заполнялись людьми, арестованными по этому делу, под пытками у них вырывали признания. Ремеслом истязателя и палача не гнушался и сам царь. Затем несчастных казнили. Пытали и Алексея. «Царевич более и более на себя наговаривал, утраченный сильным отцом и изнеможенный истязаниями» (А. С. Пушкин. «История Петра»). Никакого реального заговора не было, но в отчаянии «несчастный давал сам всему самое преступное значение». Петр присутствовал при этих пытках, задавал все новые вопросы, получая ответы «сначала твердой рукою писанными, а потом, после кнута, дрожащею».

14 июня 1718 года Петр представил дело царевича на суд Сената и церкви. Духовенство ответило, приведя цитаты из Ветхого Завета – о жестоком возмездии, и из Нового Завета – о милосердии, предоставив таким образом царю выбор. Сенат вынес Алексею смертный приговор. 25 июня смертный приговор, утвержденный Петром, объявили в Сенате. А на следующий день царевич Алексей умер в каземате крепости, как было объявлено, «от удара».

То, что он был убит по приказу отца, ни у современников, ни у позднейших историков не вызывало сомнений. Исторические свидетельства расходятся лишь в том, каким способом было совершено убийство: одни пишут об отравлении, другие – об удушении, третьи – о смерти под пыткой. 30 июня Алексея похоронили в Петропавловском соборе. Петр присутствовал на похоронах.

Теперь царевич Петр Петрович становился законным наследником престола. Но в 1719 году, через несколько месяцев после гибели Алексея, он умер.

«Смерть сия сломила железную волю Петра», – писал Пушкин. Правда, энергия царя не иссякла, по-прежнему «его государственные учреждения суть плоды ума обширного, исполненного благожелательства и мудрости», но подозрительность, нетерпимость и жестокость в его характере усилились.

На Россию убийство царевича Алексея произвело страшное впечатление. В Тайную канцелярию сыплются доносы о том, что мистические откровения о царе-антихристе имеют бабы, монахи, солдаты, помещики. По Петербургу проносится слух, что дьякон Троицкой церкви увидел на колокольне кикимору и та сказала: «Петербургу быть пусту!» Эти слова повторяли раскольники, убежденные в том, что Петров город – творение дьявола, и считавшие, что он исчезнет без следа, будет залит водой. Этот мотив перейдет в литературу: мы встретим его у Достоевского, Некрасова, Белого, Блока... Он сохранился и в фольклоре. Каждый новый слух и «откровение» влекут за собою кровавые следствия, снова заполняются узниками казематы Петропавловской крепости и следуют казни.

Последнее событие, о котором мы упомянем, – смерть Петра Великого в Санкт-Петербурге 28 января 1725 года. Здоровье императора давно было подорвано, а в ноябре 1724 года он простудился, помогая солдатам спасти людей с тонущего бота. После этого обострилась болезнь почек, и через три месяца Петр умер. Ему было пятьдесят три года. Смерть Петра I оплакивали те, кто вместе с ним обновлял Россию, чью энергию и таланты вызвали к жизни его реформы. Восьмого марта шествие жителей столицы сопровождало гроб императора при перенесении его по льду Невы в Петропавловский собор. Город прощался со своим создателем. Императрицей была провозглашена его жена – Екатерина I.

Мы завершим рассказ о первых десятилетиях жизни Санкт-Петербурга словами историка К. Валишевского: «История России XVIII века вовсе не походит на альпийский пейзаж, она напоминает скорее земной рельеф в космогонический период. Мы присутствуем здесь при нарождении нового мира».

После Петра

«Похитительница престола». Торжество времени. Колесо Фортуны. Запустение Петербурга. Императорский двор покидает столицу. Славные деяния генерал-фельдцейхмейстера Миниха

Нет, ты не будешь забвенно,
столетье безумно и мудро...

А. Н. Радищев «Осьмнадцатое столетие»

Во время смертельной болезни Петра I встал вопрос о том, кто будет его преемником. Сам Петр отменил традиционный порядок престолонаследия: царствовать, по его убеждению, должен был достойнейший. Это установление имело для государства самые серьезные и драматические последствия на протяжении XVIII века. Завещания император не оставил, и теперь следовало выбирать между женщиной и ребенком: его женой Екатериной и внуком Петром, сыном царевича Алексея. Конечно, оба претендента являлись символическими правителями, за каждым из которых стояла определенная политическая партия.

На стороне десятилетнего Петра была традиция престолонаследия и симпатии большей части дворянства, но Екатерина обратилась за поддержкой к энергичным и влиятельным людям: Александру Меншикову, Петру Толстому, Феофану Прокоповичу. И ее партия одержала победу. Это был дворцовый переворот, каких еще немало случится в России XVIII века.

Во время одного из заседаний высших сановников, решавших вопрос о наследнике, когда мнение их складывалось в пользу Петра, в зал внезапно вошли гвардейские офицеры. Оказалось, что по приказу Меншикова Семеновский и Преображенский полки окружили дворец. Странники Екатерины, переходя от одного вельможи к другому, угрозами и посулами склоняли их на свою сторону. Затем по знаку Меншикова за окнами раздался громовой крик гвардии: «Да здравствует императрица государыня Екатерина Алексеевна!» Это был последний и самый веский аргумент. Правительство присягнуло Екатерине I.

Относительно способности Екатерины I к государственной деятельности не обольщался никто, но сподвижники Петра Великого рассчитывали, что она не станет менять его политики, Россия пойдет по намеченному им пути. Действительно, Екатерина ничего не собиралась менять. Реализовывались замыслы Петра, которые он не успел осуществить: в Петербурге открылась Академия наук, была снаряжена и отправлена в плавание экспедиция Беринга с целью выяснить, соединяются ли на востоке Азия и Америка. Продолжали работу петровские учреждения. Но город осиротел. Творение Петра I с этого времени начало приходить в упадок, чахнуть, как ребенок, лишенный родительской заботы.

В Петербурге по-прежнему устраивалось множество балов, праздников, фейерверков. Старательно поддерживались заведенные Петром обычаи – вплоть до обыкновения разыгрывать горожан 1 апреля. Петр I не раз устраивал в столице первоапрельские розыгрыши, однако в России эта традиция была в новинку. Люди обижались и сердились: то ночью их будил отсвет пожара над царским дворцом, то продавали дорогие билеты на представление, и народ бежал на пожар или предвкушал зрелище – но к собравшейся толпе являлись гвардейские солдаты и от имени императора громкогласно поздравляли: «С первым апрелем вас!» Так было заведено при Петре, и это вызывало ропот. Теперь он умер, наступили тревожные времена, в умах брожение, а в ночь на 1 апреля 1725 года небо столицы озарилось заревом

пожара. Полуодетые люди выскакивали на улицы, спеша к месту пожара, и – «С первым апрелем вас!» – поздравляла уже императрица.

Это, конечно, мелочи, но то, что на престоле женщина, – дело неслыханное, такого в России еще не было. Некоторые горожане отказывались присягать: «Раз на престоле баба, пусть бабы ей и присягают». В таких случаях их отправляли в Тайную канцелярию и били до тех пор, пока не добивались присяги. После Петра I на протяжении почти всего XVIII века правителями в России будут ребенок или женщина.

Тайное возмущение воцарением Екатерины не стихало в Петербурге. В 1726 году полицейские нашли у Исаакиевского собора подметное письмо, в котором императрицу называли похитительницей престола, бранили и осуждали ее частную жизнь. За выдачу автора пасквиля назначили награду в тысячу рублей. Наградные деньги были положены в нескольких местах города на фонари, охраняемые солдатами, готовыми отдать их доносчику. Но никто не донес. Сумму награды удвоили – безрезультатно.

Императрицу занимали только развлечения и наряды. Эта ее страсть порождала новые указы: «Императрица Екатерина Алексеевна... любила... и тщила украшаться разными уборами и простирала сие хотение до того, что запрещено было другим женщинам подобные ей украшения носить, яко то убирать алмазами обе стороны головы, а токмо позволяла убирать левую сторону; запрещено стало носить горностаевые меха с хвостиками, которые одна она носила, и сие... обыкновение учинилось почти узаконение, присвояющее сие украшение единой Императорской фамилии, тогда как в немецкой земле и мещанки его употребляют», – писал историк М. М. Щербатов в сочинении «О повреждении нравов в России». Кроме того, императрица предавалась неумеренному пьянству. Чтобы не нарушать ее тяжелого сна, горожанам запрещалось шуметь возле дворца, ездить на телегах. Мостовую перед дворцом устлали соломой, заглушающей шум проезжающих карет.

В делах управления Екатерина I положила на своих вельмож, в первую очередь на Меншикова. Петр Великий умел смирять честолюбие и корыстолюбие своих приближенных, пресекать их интриги. Его не стало, и теперь каждый мог искать своей выгоды. Меншиков занялся устранением политических соперников: его усилиями многих соратников Петра отправили служить подальше от Петербурга или сослали. В дальнейшем это роковым образом сказалось на судьбе многих петровских начинаний, в том числе и на судьбе Петербурга.

И хотя, по замечанию историка С. М. Соловьева, «дела преобразователя, не идущие вразрез с интересами вельмож, не встречали сознательного противодействия ни в ком из русских, стоящих наверху», в борьбе за власть до этих начинаний никому не было дела, и постепенно они мельчали, угасали.

При Петре государственные учреждения регулярно сообщали через газету «Санкт-Петербургские ведомости» о своей деятельности. После его смерти это правило постепенно забывается, и о нем приходится напоминать специальным указом. И сам Петербург пустеет: многие каменные дома брошены недостроенными, они стоят без крыш, разрушаются от непогоды. Хозяева отказываются достраивать их, ссылаясь на «недостаточность», переезжают в Москву, поближе к своим имениям. А простой народ покидает город, не объясняясь насчет разорительности жизни в столице. И только дворец и усадьба Меншикова, фактического правителя России, продолжают украшаться. От Меншиковского дворца перекинут через Неву к церкви Св. Исаакия Далматского первый наплавной мост в городе.

Александр Меншиков был фактическим правителем государства – временщиком, как называли таких людей, вкладывая в это слово много ненависти. В рассказе о жизни Петербурга нам не раз придется упоминать о временщиках и фаворитах, роскошная жизнь которых в столице пришла на смену суровым временам Петра I. Богатство Меншикова вызывало изумление не только в России. Вышедший из низов, талантливый полководец и хитрый политик, Меншиков своей деятельностью при Петре принес немало пользы. С его главными

пороками: властолюбием и алчностью – царь справлялся то окриком, а то и побоями. Теперь, после воцарения Екатерины I, его прежней любовницы, Меншиков стал хозяином положения. Он без зазрения совести присваивал чужое, получая все новые звания, не считаясь ни с кем. Меншиков был сказочно богат: ему принадлежали шесть городов и девяносто тысяч крепостных. В доме временщика находился огромный штат прислуги, французские повара. Некоторые его парадные обеды состояли из двухсот блюд, и подавали их на золотом сервизе.

В праздничные дни весь Петербург собирался смотреть на выезд Меншикова в царский дворец. Через Неву он переправлялся на нарядной барке, обитой зеленым бархатом. Затем начиналось торжественное шествие. Впереди бежали скороходы, за ними ехали музыканты и пажи, следом в великолепной карете, сделанной в форме веера, сверкающей зеркальными стеклами, золотыми гербами и золотой княжеской короной, – светлейший князь Александр Меншиков.

Карету везла шестерка лошадей, в пополах из малинового бархата, по сторонам кареты ехали двенадцать камер-юнкеров. Замыкал процессию отряд драгун собственного княжеского полка. Шествие сверкало красками, звучала музыка. Никогда петербуржцы не видели ничего подобного при выездах Петра Великого.

Своим деспотизмом и грабительством Меншиков скоро стал ненавистен всем. Но фаворит был недосыгаем, и всякого, кто пытался бороться с ним, ждало поражение. И даже когда 6 мая 1727 года неожиданно умерла Екатерина I, это не поколебало его положения. Императором стал одиннадцатилетний сын Алексея – Петр II. Меншиков был объявлен регентом, причем, по завещанию Екатерины, император должен был через несколько лет жениться на его дочери. 25 мая 1727 года в столице торжественно праздновалось обручение Петра II с Марией Меншиковой. За несколько дней до этого фаворит получил желанное звание генералиссимуса. Его карьера была в зените. Для присмотра за юным императором Меншиков переселил его с двенадцатилетней сестрой Натальей из Зимнего дворца в свой, расположенный на Васильевском острове (тогда остров назывался Преображенским). А воспитание мальчика поручил Андрею Ивановичу Остерману – человеку образованному, ловкому дипломату, умнице и большому мастеру интриги. Фаворит не подозревал, что последний талант его ставленника Остермана обернется против него самого: юный император терпеть не может учебы, и Остерман клянется, что не стал бы требовать ничего, да Меншиков настаивает! Однако учитель готов на всякие побрякушки, и ученик благодарен ему, а Меншикова ненавидит со всею страстью лентяя. Напрасно тот выписывает из Москвы в Петербург царскую соколиную охоту и собак, устраивает праздники. Между ними происходят крупные столкновения. Вот характерный пример: один из городских ремесленных цехов поднес в подарок царю деньги, тот велел отослать их сестре, однако Меншиков отнял их. «Я тебя научу, что я император и что мне надо повиноваться!» – в бешенстве кричит мальчик. Глухие слухи об этих конфликтах ходят по городу, но, кажется, Меншиков неуязвим.

И все же этого человека, который был богаче императора и обладал неограниченной властью, свергли дети: двенадцатилетний Петр, его тринадцатилетняя сестра и их ближайшая подруга, семнадцатилетняя тетка – дочь Петра I Елизавета. Им ненавистна опека временщика. И Меншиков, хитрый политик и интриган, оказывается бессилем перед их сопротивлением. Он собирается, например, серьезно поговорить с царевной Натальей, а она, услышав его шаги, выпрыгивает в окно и убегает в сад. А когда Меншиков заболевает, царственные дети покидают дом и возвращаются в Зимний дворец.

Наконец наступает развязка: 7 сентября 1727 года гвардии приказано подчиняться лишь приказам императора. Утром 8 сентября в Меншиковский дворец является майор Салтыков и объявляет временщику об аресте. Тот при этом известии падает в обморок. Без всякой судебной процедуры Меншикова и его семью отправляют в ссылку. Почти все его имущество, кроме самого необходимого, конфискуют. 10 сентября горожане собираются перед

Меншиковским дворцом, чтобы увидеть отъезд одного из создателей города, его первого генерал-губернатора. И этот последний «траурный парад» так же театрально эффектен, как прежде: «Впереди огромного поезда ехали четыре кареты шестернями: в первой сидел сам светлейший князь с женою и свояченицей... во второй – сын его с карлою, в третьей – две княжны с двумя служанками... все были в черном. Поезд провожал гвардейский капитан с отрядом из 120 человек...» (С. М. Соловьев. «История России с древнейших времен»).

Трудно вообразить всеобщую радость, вызванную в городе падением временщика. На улицах люди поздравляли друг друга и рассказывали самые невероятные истории: что Меншиков просил у прусского короля десять миллионов талеров, что он готовил государственный переворот... Но воображение поражало даже не это, а размеры конфискованного богатства: четыре миллиона русских денег, девять миллионов в лондонских и амстердамских банках, на миллион драгоценностей и, наконец, двести пудов серебряной посуды. Начиная карьеру Меншиков, не имея ни гроша.

Теперь же, снова потеряв все, он отправлялся со своими близкими в Сибирь, в Березов. Большинство из них вскоре там умерли. Через три с половиной года назад вернулись лишь его сын и дочь.

«Безумное» XVIII столетие было полно необыкновенных человеческих судеб, авантюр, ослепительных взлетов и трагических падений. Недаром в литературе этой эпохи постоянно присутствует тема колеса Фортуны, непостоянства и изменчивости счастья. К Меншикову можно отнести известную поговорку: «Из грязи – да в князи!», однако его судьба и падение ничему не научили других честолюбцев. В первые месяцы ликования из Петербурга шли письма с поздравлениями и словами вроде: «...У нас все благополучно и таких страхов теперь ни от кого нет, как было при князе Меншикове».

Радовались напрасно. После Меншикова другие вельможи старались снискать расположение императора, подчинить его своему влиянию. На этот раз лукавая Фортуна улыбнулась князьям Долгоруковым, которые прежде активно интриговали против Меншикова и смогли оттеснить даже Остермана. Как прежде с Марией Меншиковой, Петр II обручился с княжной Долгоруковой. Но через три года Долгоруковы были сосланы все в тот же Березов, где уже успел умереть прежний временщик. Почти все они погибли – умерли в ссылке или были казнены. К этому повороту колеса Фортуны приложил руку Остерман. Затем Остерман, уже при Елизавете, сам оказался в том же печальном Березове, и к могилам Меншиковых, Долгоруковых прибавилась и его могила. И опять Фортуна одаривала кого-то благоклонной улыбкой...

Правительство Петра II отказалось от продолжения реформ, начало которым положил Петр Великий. Современники отмечали понижение боеспособности русской армии. Сказалась эта политика и на жизни Петербурга. Строительство флота, заброшенное уже при Екатерине I, при Петре II пришло в полный упадок. В 1728 году вернувшийся из Петербурга в Стокгольм шведский посланник Цедеркрейц докладывал королю, что «флот, даже галерный, сильно уменьшился, а корабельный гибнет: старые корабли стоят в Кронштадте, все гниют, пригодны не больше 45; в Адмиралтействе такое несмотрение, что флот и в три года не привести в прежнее состояние, да этого и не собираются делать». Любимое детище Петра I погибало. Когда императору указывали на это, он отвечал: «Когда нужда потребует употребить корабли, то я пойду в море; но я не намерен гулять по нем, как дедушка».

В целях экономии на треть сократили численность армии, множество офицеров отправили в отставку. После ссылки Меншикова нового президента Военной коллегии не назначили. Сокращались государственные расходы на содержание армии, на строительство флота, устройство новой столицы, но страна по-прежнему находилась в упадке. Ведь деятельность Петра I, его реформы и многолетние войны стоили России не только огромных экономиче-

ских жертв – численность ее населения уменьшилась почти на треть. Теперь же начинания и создания Петра Великого, оплаченные такой ценой, пребывали в небрежении. В одном из указов 1727 года говорилось: «Крестьяне, на которых положено содержание войска, находятся в скудости и приходят в разорение. Прочие дела: торговля, юстиция и Монетный двор также находятся в разоренном положении».

Правда, в Петербурге заметно смягчение нравов. В 1727 году возобновились ассамблеи, их устраивали в царском дворце дважды в неделю. Посещать их могли все дворяне. Обстановка на них стала более свободной, никто не требовал обязательного присутствия и не указывал, как следует веселиться. Указ о возобновлении ассамблей огласил на главных улицах Петербурга сам обер-полицмейстер Поздняков.

В 1729 году был упразднен страшный Преображенский приказ, учрежденный Петром I для расследования политических дел. Теперь этими вопросами занимались Сенат и Верховный тайный совет. В числе наказаний за провинности сохранялась публичная порка, но дворяне получили своеобразную поблажку: теперь их пороли с «сохранением чести», не снимая нижнего белья. А простолудинов по-прежнему заголяли. Появилось и еще одно важное новшество в жизни столицы. По указу 10 июля 1727 года велено «которые столбы в Санкт-Петербурге внутри города на площадях каменные сделаны, и на них, также и на кольях винных (преступных. – *Е. И.*) людей тела и головы потыканы, те все столбы разобрать до основания, а тела и взоткнутые головы снять и похоронить».

Продолжалась борьба за нравственность: еще в 1720 году Петр I запретил строить общие бани, в которых мужчины и женщины мылись вместе. Но люди «нижних классов» по-прежнему мылись в общих банях. Указы о запрещении регулярно повторялись, но, несмотря на них, этот обычай сохранялся почти до конца XVIII века. Видимо, в Европе эти бани давали повод для фривольных шуток, потому что жена английского резидента в Петербурге леди Рондо писала в Лондон своему корреспонденту: «Что касается любопытства господина М., была ли я в русской бане, то он заслуживает не ответа, а презрения, которым отвечают людям его закала, воображающим, что они остроумны тогда, когда говорят непристойности» (С. М. Соловьев).

Безуспешными оказались меры против бегства жителей из Петербурга. 11 июля 1729 года появился указ о возвращении уехавших купцов и ремесленников с семьями: «...При высылке (в Петербург. – *Е. И.*) всем им подписаться, под потеряннем всего имения и ссылкой в вечную каторгу, чтоб они с женами и детьми явились бы в Санкт-Петербург без замедления и впредь бы без указа особого из Санкт-Петербурга не разъезжались». Одновременно с этим дворянам выделяли для застройки участки на Фонтанке близ Невского проспекта. Однако желающих строить дома почти не нашлось, да и часть уже построенных была покинута обитателями. Столица по-прежнему оставалась местом отбывания каторжных работ. А ее былое административное главенство отменено: в 1727 году вместе с царским двором в Москву переехал и обер-полицмейстер, и в Петербурге вместо него назначен воевода, как в любом провинциальном городе.

«Все в России в страшном расстройстве, – писал в донесении иностранный посланник, – царь не занимается делами и не думает заниматься; никому денег не платят, и Бог знает до чего дойдут финансы; каждый ворует, сколько может. Все члены Верховного Совета нездоровы и не собираются; другие учреждения также остановили свои дела, жалоб бездна...» После ссылки Меншикова юный Петр совсем забрасывает занятия, заводит себе «компанию» по примеру Петра I (но с петровской она сходна лишь грубостью нравов), интересуется только охотой. Вот его записка с распорядком дел на неделю, которую приводит С. М. Соловьев: «В понедельник пополудни от 2-х до 3-го часа учиться, а потом солдат учить; пополудни вторник и четверг – с собаками на поле; пополудни в среду – солдат обучать;

пополудни в пятницу – с птицами ездить; пополудни в субботу – музыкой и танцеванием; пополудни в воскресенье – в летний дом и в тамошние огороды».

Между тем в его окружении все громче раздавались голоса о переезде в Москву. По традиции цари короновались в Москве, и в конце 1727 года Петр II и весь его двор, а с ними и большинство зажиточных горожан начали собираться в путь. «... На вопрос, долго ли останется двор в Москве, уже слышался ответ: быть может, навсегда; и этот ответ был очень приятен одним и приводил в отчаяние других. Нравился он русским вельможам, которые до сих пор не смогли привыкнуть к неудобствам новооснованного города, в стране печальной, болотистой, вддали от их деревень... Ужасом обдавал этот ответ тех, которые в удалении из „парадиза“ видели удаление от дела Петра Великого, удаление от Европы, пренебрежение морем, флотом, упадок значения России как европейской державы. Боялись переезда в Москву люди, созданные новым, преобразовательным направлением, и в его ослаблении видели ослабление собственного значения... За границей смотрели так же на это дело: как только узнали здесь о падении Меншикова, так сейчас же явилась мысль, что вельможи увезут императора в Москву, и Россия возвратится к прежнему, допетровскому порядку...» (С. М. Соловьев). У некоторых европейских наблюдателей даже появилась мысль, что переезд в Москву – результат политических интриг Англии, победа английского золота (такой вывод делает, например, дюк Де Лириа в своих письмах о России в Испанию).

В начале 1728 года Петр II навсегда покинул Петербург. Главой административного и военного управления городом был назначен граф Миних. Берхард Кристоф Миних, выходец из Германии, поступил на русскую службу при Петре I. Талантливый администратор и военачальник, энергичный и честолюбивый человек, он не бездействовал в оставленном на его попечение Петербурге. Одной из бед города являлось плохое снабжение продовольствием, ведь налаженных путей сообщения с Петербургом было очень мало. По проекту Миниха и под его надзором был построен Ладожский канал (1718–1731), по которому все необходимое можно было доставлять в город водой. Цены на продовольствие после открытия канала понизились. Миних руководил перестройкой Петропавловской крепости в камне, он разработал проект защиты города от наводнений, по его плану осушали болота на окраине, у Лиговского канала.

Словом, деятельность генерал-фельдцейхмейстера графа Миниха была многообразной и плодотворной, но главной страстью его оставались военные учения. Он проводил их почти ежедневно, особое внимание уделяя артиллерии.

В июле 1730 года голландский резидент в Петербурге писал, что Миних демонстрировал успехи скорострельной полевой артиллерии, «так что из трех пушек в семь минут двести семьдесят раз выпалено».

Миних всей душой был предан армии, но в армии его не любили. На просьбы офицеров об облегчении положения солдат, служивших в невозможных условиях, он обычно отвечал: «А, а, батюшка! У русских людей невозможности нет!» «Петр I и после него доказали, что русского солдата можно вести в бой, не давая ему обуви и даже хлеба», – заметил историк К. Валишевский.

Усилиями тех, кто оставался в Петербурге, жизнь города не замирала, но пребывала в печальном состоянии. Вот, к примеру, прошение служащих санкт-петербургской типографии: «В 1727 году в августе месяце не было выдано ни жалованье, ни содержание за январскую и майскую трети, вследствие этого справщики с мастеровыми просили ради наступающего праздника Успения Богородицы выдать им рубля по два – по три на человека, чтобы с женами и детьми не исчезнуть голодом».

В январе 1730 года в Петербург пришло известие: в Москве умер от оспы пятнадцатилетний император Петр II.

Жестокая пора

Воцарение Анны Иоанновны. Засилье иностранцев у власти. Тяготы жизни в Петербурге. Нравы императорского двора. Свадьба в Ледяном доме. Труды Комиссии о Санкт-Петербургском строении. Дело Волынского. Дворцовый переворот 1741 года

В России и ее столице продолжались тяжелые времена «...ужасного и невыносимого режима, водворившегося в России после смерти Петра Великого, периодических переворотов и произвола русской олигархии, чередовавшейся с грубостью немецкой диктатуры», – писал К. Валишевский. Фактически власть в стране принадлежала Верховному тайному совету, в который входили несколько влиятельных вельмож из старой и новой, появившейся во времена Петра I, аристократии. Верховный тайный совет был учрежден в 1726 году, состав его менялся (в связи с опалой из него выбыли Петр Толстой, Александр Меншиков, князь Долгоруковы), но число членов не превышало семи-восьми человек.

После смерти Петра II Верховный тайный совет решил призвать на русский престол дочь старшего брата Петра I – Анну Иоанновну. За двадцать лет до этого она была выдана замуж за герцога Курляндского, овдовела и временами писала из Митава⁷ царственной родне в Россию, жалуясь на вдовью бедность и скудность. Ни умом, ни волей Анна Иоанновна не отличалась, и Верховный тайный совет считал, что она не станет помехой его власти. «Верховники» составили специальный документ – кондиции, которые лишали будущую императрицу реальной власти. Герцогиня Анна согласилась на все условия, подписала кондиции и приехала в Москву. Вероятно, сохранились эти условия в силе, Анна Иоанновна не оставила бы заметного следа в русской истории. Но на свою беду, в дело вмешалось дворянство. Большая часть дворян ненавидела вельможных «верховников», оттеснивших остальных от власти. А главное – большинство дворян, особенно в гвардии, не желало ограничения самодержавия, уравнивавшего в бесправии всех.

В феврале 1730 года в Москве к Анне Иоанновне явилась депутация дворян с прошением о роспуске Верховного тайного совета и о том, чтобы она приняла самодержавную власть. Упрашивать ее не пришлось. Неограниченное «самодержавство» было восстановлено. Поплатились за это все – не только «верховники», попавшие в опалу, но и все дворянство, вся Россия, которой предстояло пережить черные времена бироновщины. День коронации Анны Иоанновны был отмечен дурным предзнаменованием: небо над Москвой было багрово-красным, страшным. Это запомнилось.

В 1732 году императрица и ее двор переехали в Петербург. Миних устроил торжественную встречу. Поредевшее население города собралось, чтобы поглазеть на триумфальные ворота, иллюминацию, парад – таких праздников в столице не было давно. Доблестный генерал-фельдцейхмейстер разработал церемониал встречи: «...Все полки вдруг на караул поставят и поход в барабаны ударят и десять минут продолжат, а потом все офицеры и рядовые, подняв шляпы вверх, будут ими махать и трижды вскричат: „Виват, Анна, великая императрица, виват, виват!“»

Иллюминация Миниха так понравилась императрице, что отныне устройство иллюминаций вменялось ему в обязанность. Прибыв в Петербург, она, подобно Петру I, начала призывать со всей России необходимых в столице людей. Кто же они? Вот отрывки из писем Анны Иоанновны в Москву и Переяславль: «У Загрязской в Москве живет одна княжна Вяземская; объяви ей, что я беру ее из милости, и в дороге вели ее беречь, а я беру ее для своей забавы: как сказывают, она много говорит...»; «...пришли сюда бедных дворянских

⁷ Митава – до 1917 г. название города Елгава (Латвия), в 1561–1795 гг. – столица Курляндского герцогства.

девок; ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые были бы лет по сорок и так же говорливы, как были княжны Настасья и Анисья».

Ограниченная, тщеславная Анна Иоанновна в молодости, при дворе Петра I, чувствовала себя приниженной и обделенной – и, став императрицей, жила в подозрительности и страхе. Русским аристократам она не доверяла и помнила, что восстановить «самодержавство» ей удалось главным образом благодаря поддержке гвардии. «Надобно привязать к себе эту гвардию, увеличить ее число и главное – сосредоточить всю власть в руках людей преданных, интересы которых неразрывны с интересами Анны, которым будет грозить беда, если власть перейдет к русской знати. Эти люди – иностранцы» (С. М. Соловьев).

Вместе с Анной Иоанновной и во все время ее правления в Россию прибывали на службу иностранцы, главным образом остзейские немцы из Прибалтики. Они заняли все командные должности в гвардии и в государственном аппарате, все доходные места. Такого засилья и торжества иностранцев Россия до той поры не знала. Главной привязанностью императрицы, единственным человеком, которому она во всем доверяла, был ее фаворит Эрнст Иоганн Бирон. В царствование Анны Иоанновны Бирон фактически стал правителем России.

За те несколько лет, в которые Петербург был покинут императорским двором и значительной частью жителей, он пришел в запустение и упадок. Даже в центральной части города строения перемежались с пустырями; деревянные мосты и набережные пришли в негодность. Разрушались сваи и щиты, которыми были укреплены берега рек: «и от того каналы заносит, и в тех местах також и по берегу Невы реки, при обывательских домах берега и мосты весьма попортились... и от такой долговременной непочинки пришли оные каналы и речки в такую худобу, что занесло землю в половину, от чего проход и мелким судам весьма с трудностью», – доносила Сенату в 1727 году канцелярия полицеймейстера Петербурга.

Мойка стала несудоходной, и в 1736–1739 годах пришлось проводить работы по очистке и углублению ее русла. В печальном состоянии находились каналы Васильевского острова, который по замыслу Петра I должен был уподобиться Венеции. Эти широкие заброшенные канавы, заполненные стоячей водой и грязью, источали зловоние. Жители окрестных домов сбрасывали в них мусор.

Но, несмотря на все тяготы жизни в Петербурге, население его увеличивалось. Город привлекал людей разных сословий, особенно после того, как сюда переселился императорский двор.

Петербург был притягателен не только для русского дворянства: «на ловлю счастья и чинов» сюда стремились иностранцы. Они смело могли рассчитывать на покровительство Анны Иоанновны и ее приближенных: Бирона, Остермана, Миниха.

Десятилетие правления Анны Иоанновны (1730–1740) – тяжелое время в истории Петербурга. В столице с особенной откровенностью проявились худшие свойства тех, кто пришел к власти: презрение к России, невежество и дикость в сочетании со спесью «цивилизаторов», жестокость и раболепство их русских приспешников, нетерпимость ко всякому проявлению национального чувства. У власти были временщики самого низменного свойства, и их мало заботило будущее города и страны.

Жизнь в Петербурге была беспокойной и опасной. В городе развелось множество разбойников. Они пробрались даже в казематы Петропавловской крепости, убили часового и унесли полковую казну. Грабителей стало так много, что гвардии приказано учредить на главных улицах постоянную патрульную службу.

В 1735 году пришлось вырубить лес на Фонтанке, в окрестностях Невского проспекта и вдоль Нарвской дороги, чтобы изгнать и выловить там шайки, которые «многих людей грабят и бьют». Для их поимки военная коллегия отрядила «пристойную партию драгун».

Священник лютеранской церкви Св. Петра на Невском проспекте подал прошение о том, чтобы не переселяться в дом при церкви, пока соседние дома пустуют: «Я переехал бы туда, но опасюсь недостатка в воде, злоумышленников и разных превратностей, случающихся обыкновенно с теми, кто живет далеко от соседей».

Жестокие казни пойманных разбойников не устрашали остальных. Архиепископ Феофан Прокопович говорил, что жестокостью воровства вывести нельзя, нужны благие примеры и поучения. Но о каких благих примерах можно толковать, когда сама императрица велела повесить перед своими окнами повара, подавшего к столу несвежее масло?

Однако больше, чем разбоя, в столице страшились Тайной розыскных дел канцелярии, учрежденной в 1731 году. Соглядатаи и доносчики были в чести при Петре I, но сейчас на них, пожалуй, не меньший спрос. Тайная розыскных дел канцелярия, политический сыск, выслеживала людей, злоумышляющих против власти. За время правления Анны Иоанновны по приговорам Тайной канцелярии в ссылку отправлено более двадцати тысяч человек. Людей хватили по малейшему подозрению, по любому доносу; формула «слово и дело», которую произносил доносчик, повергала в трепет самых смелых. Дознание в застенках Тайной розыскных дел канцелярии чаще всего проводилось под пыткой.

Иногда на улицах Петербурга появлялись страшные фигуры: люди в балахонах, в которых были лишь прорези для глаз, бродили под конвоем по городу, оглядывая прохожих. Это были «языки» – преступники, которых выводили, чтобы они указывали на сообщников. Знака «языка» было довольно, чтобы человека схватили и отвели в застенки.

Одной из жертв оговора, сделанного «языком», стал помещик Головкин. Он остался жив и впоследствии рассказывал о пытках: его подымали на пялы (дыбу), выворачивали лопатки, гладили спину горячим утюгом, вгоняли под ногти раскаленные иглы... Уже стариком Головкин отмечал в календаре: «Такого-то числа подчищали ногти у бедного и грешного человека, которые были изуродованы. Благодарение Господу! Ныне мы благоденствуем».

В тридцатые-сороковые годы на Петербург обрушилось еще одно бедствие – опустошительные пожары. Иногда они возникали случайно, но чаще из-за поджогов. В 1736 году пожар на Мойке, начавшийся в доме персидского посла, распространился по всей округе. Он продолжался восемь часов и произвел огромное опустошение. В 1737 году город загорелся сразу в двух местах, пожар уничтожил значительную часть построек, погибло несколько сотен людей. Очевидно, он возник не случайно: накануне возле дворца царевны Елизаветы Петровны был найден горшок с воспламеняющимся веществом. В 1739 году сгорели баржи с зерном и маслом, стоявшие у пристани. Купцы понесли огромные убытки.

Пожары участились настолько, что в центре города и возле всех дворцов были выставлены постоянные гвардейские пикеты, охранявшие их от поджигателей. Летом 1748 года шайки поджигателей появились в Москве и вызвали там такой ужас, что множество жителей покинуло город и жило в окрестных полях в шатрах и палатках, пока преступников не выловили. Схватив, их сжигали на пожарище, на месте поджога.

Поджигательство стало походить на эпидемию, на массовый психоз: среди пойманных на месте преступления – девочка-нянька, поп-расстрига... Ужас жизни вызывал патологическое стремление к разрушению, смерти.

Летом в воздухе столицы стоял смрад. Императрица сетовала на то, что смрад издают бойни у рынков; могилы на кладбищах роют неглубокие, «от чего тяжелый дух чрез рыхлую землю проходит»; полиция «не смотрит, что по пустырям и глухим местам мертвечина валяется и множество непотребных собак в городе бегают и бесятся; 16 сентября одна бешеная собака вбежала в Летний дворец и жестоко изъела двоих дворцовых служителей и младенца».

Во дворце по несколько дней не открывали окон из-за запаха гари и дыма пожаров. Судя по всему, жизнь в Петербурге тех лет походила на ад. Но это не мешало императорскому

двору веселиться. Настали времена неслыханного прежде расточительства, почти каждый день устраивались праздники, и на каждый праздник велено являться в новом наряде. Дворяне продавали свои имения и вздыхали о временах Петра I, издававшего указы против чрезмерной роскоши. «Вы не можете вообразить себе роскошь этого двора. Я был при многих дворах, но могу уверить, что здешний двор своим великолепием превосходит даже самые богатейшие, не исключая и французского», – писал из Петербурга испанский посол.

Пьянство на дворцовых праздниках не в чести, зато Анна Иоанновна вводит в моду азартные карточные игры. Все время, свободное от балов и праздников, толстая рябая императрица в шлафроке и чепце то слушает вздор своих говорливых девок, то возится с заболевшей собачкой, то обсуждает, как доставить в Петербург новорожденную мартышку... Она любит охоту: зверей для царской травли привозят прямо во двор Зимнего дворца или в Летний сад. В покоях императрицы стоят заряженные ружья, и она палит из окон в галок и ласточек; во дворце есть галерея с мишенями, где эта Диана упражняется в стрельбе. Ее фаворит столь же пылко увлечен лошадьми. Австрийский посланник острил, что Бирон говорит, как человек, с лошадьми и о лошадях, а когда беседует с людьми и о людях, то говорит, как лошадь.

При дворе Анны Иоанновны было множество шутов и карликов. Ее забавляли самые грубые проделки и плоское зубоскальство. Среди придворных шутов были два человека из аристократических семей: князя Волконский и Голицын, что оскорбляло русских вельмож. В шуты их определили в наказание: М. А. Голицына, например, за то, что он принял в Италии католичество.

Голицын был в числе молодых людей, посланных Петром I на учебу в Европу, закончил Сорбонну, а затем женился на итальянке. Для того чтобы вступить в брак с католичкой, он сменил вероисповедание. Когда об этом стало известно в Петербурге, Голицыну было приказано немедленно вернуться в Россию. Он оставил жену и вернулся. В наказание за вероотступничество Анна Иоанновна произвела его в шуты и дала прозвище Квасник. После всех этих потрясений князь Голицын впал в меланхолию, близкую к помешательству, и покорно сносил унижения и насмешки. Среди придворных шутов были и иностранцы: итальянец Педрилло, португальский еврей Ла Коста. Трудно сказать, чего больше было в затеях этой компании: грубости или глупости.

С шутами Анны Иоанновны связано одно из самых знаменитых празднеств XVIII века в Петербурге: свадьба Голицына с приживалкой императрицы, калмычкой Бужениновой в Ледяном доме в 1740 году. В этой затее, как в зеркале, отразился характер и стиль того времени – с его расточительностью, жестокостью, использованием искусства для грубой забавы.

Сотни строителей Ледяного дома трудились на Неве в одну из самых суровых петербургских зим. Для свадебного торжества со всей страны в столицу были присланы представители народностей, населяющих империю, – общим числом около трехсот человек. На празднике они появились в национальных костюмах, с музыкальными инструментами. Кроме того, из одних губерний приказано было прислать в Петербург собак, из других – лошадей, а из Новгорода – «пятьдесят козлов да баранов четверорогих и пятирогих до десяти, и чтоб все были большие»!

Ледяной дом, построенный на Неве между Зимним дворцом и Адмиралтейством, был великолепен. Его описание для «охотников до натуральной науки» составил петербургский академик Г. В. Крафт. Свадебный кортеж состоял из трехсот гостей. Они ехали в санях, запряженных оленями, собаками, свиньями и т. д. Впереди шествовал слон, на спине которого сидели новобрачные. После праздника супругов оставили в Ледяном доме на ночь. Утром их, полумертвых от холода, освободили. А к весне ледяное чудо растаяло, оставив в городе долгую память.

Много странных зрелищ видел Петербург в эти годы. В 1743 году сюда прибыло большое посольство персидского шаха Надира. Послы удивляли придворных цветистыми речами, горожан – экзотическим видом, а под конец привели город в ужас: они похитили и тайно увезли несколько десятков детей. Часть этих детей удалось вернуть лишь в Астрахани.

Жизнь Петербурга спустя короткое время после смерти его основателя можно сравнить с музыкальной шкатулкой, в которой кончается завод. Слаженная мелодия замедляется, сбивается и наконец смолкает. Обширные замыслы и нововведения Петра I остались в прошлом; зато усугубились худшие черты, присущие его правлению: грубость нравов, пренебрежение к отечественным традициям, жестокость, непомерные траты государственной казны. Лилась кровь в застенках Тайной розыскных дел канцелярии; имя ее начальника, генерал-аншефа А. И. Ушакова, наводило ужас на всех. Этот служака, во времена Петра I капитан Преображенского полка, обнаружил недюжинные способности по части сыска и палачества и ревностно служил Бирону.

Императрица отстранилась от дел, ее интересовали лишь развлечения и праздники. Устройством их занимались министры, военачальники: Миних, Волынский... Газета «Санкт-Петербургские ведомости», издававшаяся Академией наук, регулярно сообщала об охотничьих трофеях императрицы. Академия вносила свой вклад в увеселение двора: так, академик Г. В. Крафт – физик и математик – один из создателей Ледяного дома. В своем сочинении «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в 1740 Ледяного дома» Крафт оценивал эту постройку как ценный вклад в науку и сожалел, что до сих пор мало обращали внимания на лед как на «пригодный материал» для строений и мало еще сделано «ледяных открытий».

Придворный поэт В. К. Тредиаковский слагал стихи и панегирики Анне Иоанновне. Как писал Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о русских писателях», «сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия; весьма знающ в латинском, греческом, французском, итальянском и в своем природном языке; также в философии, богословии, красноречии и других науках». Но участь придворного поэта незавидна и, в сущности, не слишком отличается от участи приживала или шута. В Зимнем дворце, в покоях императрицы, Тредиаковский, стоя на коленях возле камина, декламировал ей стихи из своей книги «Езда на остров Любви». После чтения, по его выражению, он «удостоился получить из собственных Ее Императорского Величества рук всемилоостивейшую оплеушину».

Приближенные и вельможи Анны Иоанновны занимались не только устройством праздников и развлечениями императрицы, но и важными государственными делами, в частности благоустройством столицы. После опустошительных пожаров тридцатых годов была организована государственная Комиссия о Санкт-Петербургском строении – учреждение, ведавшее вопросами планировки и застройки столицы. Во главе Комиссии стоял Миних, но основную работу в ней вел главный архитектор П. М. Еропкин.

Комиссия разделила город на пять частей, центральной была признана Адмиралтейская часть. Застройку улиц и проспектов определили вести «линейно», как задумано Петром I. На пустырях, образовавшихся после пожаров, предложено возводить каменные дома по образцу дома ювелира Граверо, спроектированного архитектором М. Г. Земцовым. Комиссия создавала проекты планировки частей города – с новыми прямыми проспектами-лучами, с выравниванием уже существовавших улиц. В основу этих проектов было положено стремление к целесообразности и продолжению градостроительной традиции основателя Петербурга.

Были официально утверждены и обозначены названия улиц, проспектов, площадей, рек, каналов, мостов, произведена нумерация домов. Одной из проблем города оставалась нехватка мостов, и Комиссия о Санкт-Петербургском строении постановила постро-

ить в различных частях города деревянные мосты. По ее решению начались работы на реке Мойке: углубляли дно реки, очищали от заносов русло. Однако многие планы Комиссии остались на бумаге, потому что гибель Еропкина лишила ее фактического руководителя. В основу работы новой правительственной Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, учрежденной в 1762 году, были положены проекты ее предшественницы.

П. М. Еропкин стал жертвой расправы, ознаменовавшей завершение царствования Анны Иоанновны: он был казнен вместе с кабинет-министром императрицы А. П. Волынским и горным инженером А. Ф. Хрущевым в Петербурге 27 июня 1740 года. Эта казнь – одно из самых незаконных дел даже в ту эпоху беззакония. Она произвела на современников особенно страшное впечатление, потому что жертвами были влиятельные, незаурядные люди, известные своим патриотизмом.

Несколько десятилетий спустя Екатерина II, прочтя материалы этого судилища, напишет: «Сыну моему и всем моим потомкам советую и поставляю читать сие Волынского дело от начала и до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого незаконного примера в производстве дел».

А. П. Волынский был из числа людей, выдвинувшихся во времена Петра Великого, талантливым государственным деятелем и просвещенным человеком. Его, как и многих, возмущало засилье иностранцев в государственном управлении, наглый грабеж страны.

Бирон и другие приближенные императрицы рассматривали себя как европейских цивилизаторов дикой России, которая нуждается в исправлении и жесткой власти.

Один из этих временщиков пояснял: «Императрица принимает советы только от иностранцев, от Остермана, Бирона, Миниха и Левенвольда, и имеет право быть ими довольна; ибо русские, которым нельзя отказать в способностях, все-таки держат в голове свои старорусские начала, уничтожаемые временем».

Вокруг Волынского сплотился кружок единомышленников. Они не замыслили переворота. Люди, собиравшиеся в доме Волынского, обсуждали планы государственного переустройства, ограничения власти самодержца, развития и просвещения страны. «Волынский, служа при Анне кабинет-министром, был истинным любителем отечества, ревностным духом пылал он к пользам России», – писал его современник Я. П. Шаховской.

Кабинет-министр решился в открытую бросить вызов Бирону. Миних вспоминал об этом в своих записках: «Волынский, Еропкин и друзья их пали жертвами Бирона, потому что Волынский поднес императрице записку, имевшую целью низвержение Бирона. Я сам был свидетелем, когда взбешенный Бирон грозил ей, что перестанет служить, если она не пожертвует Волынским и другими».

Императрица пожертвовала Волынским для своего фаворита. Кабинет-министра и его друзей обвинили в государственной измене, заключили в Петропавловскую крепость, зверски пытали. Волынскому во время пыток вырвали язык, вывихнули на дыбе руки. А 27 июня на Сытном рынке Петербургской стороны совершилась казнь. Из крепости осужденных пешком привели к эшафоту. У Волынского нижняя часть лица была повязана окровавленной тряпкой. Его, Еропкина и Хрущева обезглавили, Мусину-Пушкину вырезали язык, других участников кружка – Ф. И. Соймонова, И. Эйхлера и И. де ла Суда – били плетьюми, а затем сослали в Сибирь. Тела казненных, без совершения церковного обряда, похоронили на окраине города, у церкви Св. Сампсония.

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнего Самсона!
Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона.
Отец семейства! Приведи

К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина! —

писал в 1822 году К. Ф. Рылеев, который через четыре года после этого тоже будет казнен у Петропавловской крепости.

Спустя несколько месяцев после гибели Волынского Анна Иоанновна умерла. Ее последние слова были обращены к Бирону: «Не бойся!»

Императором провозгласили девятимесячного Ивана Антоновича, сына племянницы Анны Иоанновны – Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Регентом младенца-императора стал по воле Анны Иоанновны Бирон. А через месяц Миних с гвардией арестовал временщика, и тот был отправлен в ссылку. В день падения Бирона Петербург был празднично иллюминирован, горожане ликовали, незнакомые люди плакали, обнимая друг друга.

«Еще не бывало примера, чтобы в здешнем дворце собиралось столько народу и весь этот народ выражал такую неподдельную радость, как сегодня», – писал из Петербурга французский посланник Шетарди. Однако гвардия выражала недовольство: в ней полагали, что после ареста Бирона императрицей станет дочь Петра Великого Елизавета.

Правительница Анна Леопольдовна, ставшая регентшей при малолетнем сыне, правила год и прославилась лишь тем, что успела завести фаворита – польского посланника Линара, обручила его для вида со своей подругой Юлией Менгден, а затем подарила новобрачным дворец, бриллиантов на 3 миллиона рублей и по 35 тысяч рублей каждому. Окрыленный Линар отправился в Германию положить сокровища в банки и там узнал, что русское Эльдorado для него утрачено: император Иван Антонович был свергнут гвардией. Императрицей стала Елизавета Петровна.

На протяжении XVIII века столица видела несколько дворцовых переворотов, и главную роль в них играла гвардия. В гвардии служили люди из аристократических семей, в ее рядах находился цвет дворянской молодежи – и роль ее в политических событиях была значимой. С нею приходилось считаться.

Младшая дочь Петра I Елизавета, которая жила вдали от императорского двора, почти в опале, была любима в Петербурге, особенно в гвардии. «В тебе течет кровь Петра Великого. Тебе должно царствовать!» – повторяли ей ее приверженцы.

Под влиянием своего окружения она наконец решилась действовать. В ночь на 25 ноября 1741 года в ее дворце на Царицыном лугу собрались близкие люди: Шуваловы, Воронцовы, Лесток. Елизавета долго молилась перед иконой Божьей Матери и дала обет не проливать крови, никого не казнить в свое царствование, если она станет императрицей.

У крыльца ее ждали сани. Елизавета села в них, на запятки встали Воронцов и Шуваловы, и сани понеслись по пустынным улицам ночного Петербурга к казармам лейб-гвардейского Преображенского полка на Литейном проспекте. Там царевну окружило несколько сотен преображенцев.

–Ребята, вы знаете, чья я дочь! Ступайте за мною! – сказала она. – Клянусь умереть за вас. Клянётесь ли умереть за меня?

– Матушка! Мы готовы! Клянемся!

И толпа лейб-гвардейцев двинулась за санками Елизаветы к Зимнему дворцу.

«...Сильный шум побудил меня быть настороже; я увидел 400 гренадер лейб-гвардии, во главе которых находилась прекраснейшая из государынь. Она шла твердой поступью одна, а за ней и ее свита направилась ко дворцу», – писал несколько дней спустя очевидец этих событий.

Площадь перед Зимним дворцом была покрыта глубоким снегом. Елизавета вышла из саней, сделала несколько шагов в снегу. «Матушка! Так не скоро дойдем, надобно торопиться!» – заговорили лейб-гвардейцы. Она позволила им нести ее до дворца на руках. Гвардейцы, стоявшие в охране во дворце, перешли на ее сторону.

Брауншвейгская фамилия (так называли семью младенца-императора) была арестована. Кроме них, арестовали Миниха, Остермана и других. Свергнутого Ивана Антоновича Елизавета отвезла в свой дворец.

Весть о перевороте чудесным образом облетела спящий город, и когда санки Елизаветы возвращались домой, ее приветствовали толпы народа. Несмотря на темноту и холод, люди бежали к дворцу на Царицыном лугу; там стояли гвардейские полки, горело множество костров, были выставлены вино и водка. Солдаты и горожане, греясь спиртным и теплом костров, восклицали: «Здравствуй, наша матушка императрица Елизавета Петровна!»

Как писал С. М. Соловьев, «в движении в пользу Елизаветы дело шло о национальном интересе, национальной чести, иностранного правительства больше не хотели. Но ошибкой было бы предполагать, что торжество национального интереса будет иметь следствием возвращение русских к допетровским временам – те же самые побуждения заставят дочь Петра сохранять и развивать все сделанное при Петре».

Петербург времен Елизаветы

Блистательный Растрелли. Время чудес и превращений. Смягчение нравов в столице. Записки графа Гордта. Ксения Петербургская. «Продерзостный» Ломоносов. Меценат Шувалов и развитие искусств

«Петербург в царствование Елисаветы... представлял одни противоположности – из великолепного квартала вы вдруг переходили в дикий и сырой лес; рядом с огромными палатами и роскошными садами стояли развалины, деревянные избышки или пустыри; но всего поразительнее было то, что чрез несколько месяцев эти места нельзя было узнать: вдруг исчезали целые ряды деревянных домов, и вместо них появились каменные дома, хотя еще не оконченные, но уже населенные», – писал М. И. Пыляев в книге «Старый Петербург». Город быстро разрастался, в нем строились новые дворцы, улицы, мосты. Уже в петровские времена в нем было немало садов при домах, а теперь, после указа ограждать дома не заборами, а невысокими оградами, улицы оказались окаймленными зеленью – и город изменился, похоронел.

Палисадники были при каждом доме, а садов в Петербурге к концу XVIII века насчитывалось более 1600. Самый знаменитый сад петровского времени – Летний – сохранял значение придворного, но постепенно приходил в упадок. Зато напротив него, на месте Михайловского замка, где в петровские времена находилась усадьба жены царя, Екатерины, был насажен великолепный сад возле деревянного Летнего дворца, построенного архитектором Растрелли в 1744 году для императрицы Елизаветы. Он тянулся от Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) до Итальянской улицы. Его украшали цветники и узорчатые партеры, пруды и лабиринты из зелени, павильоны, фонтаны. Впоследствии размеры сада сокращались, новые постройки все больше теснили его, и, наконец, осталась лишь небольшая часть, составившая территорию нынешнего Михайловского сада. Императрица Елизавета любила свой Летний дворец, здесь она устраивала праздники, принимала посольства; в Летнем дворце прошло детство будущего императора Павла I. Впоследствии он приказал разобрать старый дворец и построить на этом месте Михайловский замок.

Архитектурные творения Растрелли придали облику нашего города особый колорит. В Петербурге мы найдем замечательные образцы архитектуры классицизма и ампира, эклектики и изысканного модерна – но насколько беднее был бы он без созданий Растрелли, с их сияющей голубизной и позолотой, праздничным размахом и блеском! Слова об основателе города, победившем «естества чин» этих северных бесприютных мест, можно отнести и к Растрелли. Петербургское небо даже в ненастье кажется не таким сумрачным над Смольным собором, Зимним дворцом или Екатерининским дворцом в Царском Селе. Одно из самых необычных мест в городе – внутренний двор построенного Растрелли Строгановского дворца на углу Невского проспекта и набережной Мойки. Стоит затворить за собою тяжелую дверь, сделать несколько шагов по булыжнику – и вступаешь в тишину, под высокие кроны деревьев, в дивный покой старины... Творения Растрелли стали камертоном, определившим всю мелодику архитектуры Петербурга, ее торжественную красоту.

Франческо Бартоломео Растрелли – сын итальянского скульптора Бартоломео Карло Растрелли, работавшего в Петербурге по приглашению Петра I. Шестнадцати лет будущий архитектор приехал сюда с отцом и почти всю свою дальнейшую жизнь связал с Россией. В 1725–1730 годах Растрелли учился в Европе, а вернувшись в Петербург, стал в 1730 году придворным архитектором. Он был блистательным представителем стиля барокко. Более тридцати лет Растрелли создавал в Петербурге и других городах России дворцы, соборы, великолепные архитектурные ансамбли. Расцвет его творчества пришелся на время царство-

вания Елизаветы. К сожалению, императрица требовала строить как можно скорее, поэтому многое делалось наспех, лепнину часто заменяли раскраской, одно здание переделывали по нескольку раз. Кроме того, дерево, широко применявшееся для строительства, – материал недолговечный. Деревянные дворцы Растрелли не сохранились до наших дней.

Превосходный образец архитектуры барокко в Петербурге – Аничков дворец, созданный по проекту М. Г. Земцова и Г. Д. Дмитриева. После смерти Земцова строительство продолжалось под руководством Растрелли. Аничков дворец предназначался для графа А. Г. Разумовского, морганатического мужа императрицы Елизаветы. Усадьба этого дворца, с садом, павильонами, оранжереями, занимала территорию от Фонтанки до Садовой улицы; в центре ее располагалось великолепное трехэтажное здание; крышу дворца украшали два купола: над домашней церковью высился купол с крестом, на противоположной стороне – со звездой. Церковь Воскресения Христова Аничкова дворца, оформленная Растрелли, была знаменита своим резным золоченым иконостасом.

В саду (на месте, где сейчас Александринский театр) находился павильон с картинной галереей и бальной залой, вдоль Невского проспекта тянулся пруд с высокими берегами, цветники пестрели экзотическими цветами, бил фонтан – словом, в нем было все, что могли предложить вкус и мода того времени.

Главный, парадный фасад Аничкова дворца был обращен к Фонтанке. От Фонтанки к нему провели канал, так что гости могли прибывать во владения Разумовского по воде. Однако при жизни Елизаветы он мало жил в своем дворце. Императрица любила устраивать там балы и придворные праздники.

В первоначальном виде дворец простоял недолго. В 1761 году умерла Елизавета, подарившая его Разумовскому, а через десять лет и он сам. В конце 70-х годов Екатерина II подарила Аничков дворец своему фавориту – Г. А. Потемкину; похоже, этот дворец становился чем-то вроде вещественного изъяснения чувств царственных дам. К тому времени на смену барокко в архитектуре пришел классицизм, и архитектор И. Е. Старов перестроил Аничков дворец. А в начале XIX века перепланировали усадьбу дворца, построили новые здания. Сегодня мы можем судить о ее первоначальном виде лишь по старинным гравюрам.

Неподалеку от усадьбы Разумовского, на другой стороне Невского проспекта, в елизаветинские времена был дворец другого ее фаворита – И. И. Шувалова. А немного дальше, на Садовой улице, помещалась Тайная канцелярия. В середине XIX века во время перестройки одного из зданий на Садовой в его подвале нашли старый подземный ход, скелеты замурованных в стену людей, камеру с орудиями пытки, цепи, кандалы, переносную кузницу.

Но вернемся к рассказу о созданиях Растрелли. Зимний дворец в своем современном виде – четвертый из стоявших на этом месте. Первый по времени, построенный для Петра I, располагался на берегу Зимней канавки, на месте нынешнего Эрмитажного театра. Рядом с Зимним дворцом был дворец генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. После его смерти дворец по завещанию Апраксина перешел к Петру II. Императрица Анна Иоанновна велела сделать к дворцу Апраксина пристройки и некоторое время жила в нем. В 1732–1737 годах Растрелли возвел для нее новый Зимний дворец. Он был красивым, но следующей императрице – Елизавете – показался тесноватым. Поэтому в 1754 году на его месте Растрелли заложил новый Зимний дворец. Его строительство затянулось почти на десять лет, главным образом из-за нехватки денег. Елизавета торопила зодчего, и он был готов закончить постройку раньше, если будут необходимые средства. Императрица обещала, но все оставалось по-прежнему. Растрелли даже заболел от переживаний. Елизавета так и не дождалась завершения работ, она умерла раньше. Строительство Зимнего дворца было закончено лишь в 1762 году, а внутренняя отделка – в 1769-м. Зимний дворец стал шедевром творчества Растрелли. Сам зодчий писал: «Строение каменного Зимнего дворца создается для одной славы всероссийской».

После завершения работ из окон дворца открылась неприглядная картина: вся площадь перед ним была завалена строительными отходами, мусором, накопившимся за десять лет. Тогда в Петербурге обнародовали указ: жители могли брать с площади все, что им приглянулось в этих залежах. Результат был замечательный: к вечеру того же дня Дворцовая площадь оказалась очищенной. К сожалению, интерьеры Зимнего дворца, выполненные по проекту Растрелли, не сохранились: их уничтожил пожар 1837 года. При восстановлении в первоначальном виде были воссозданы только фасады дворца.

Другим шедевром творчества Растрелли в Петербурге стал собор Смольного монастыря, в который религиозная Елизавета хотела удалиться в старости. Проект этого монастыря был задуман Растрелли как великолепный архитектурный аккорд, в котором центром композиции становился собор. Но после смерти императрицы строительство замерло, поскольку новая царственная заказчица была поклонницей входящего в моду классицизма. Под наблюдением Растрелли успели лишь подвести под крышу Смольный собор. В 1832–1835 годах его достроил архитектор В. П. Стасов.

Смольный собор – одно из лучших творений зодчества в Петербурге. Другой прославленный архитектор нашего города, Дж. Кваренги, проходя мимо него, всякий раз снимал шляпу в знак почтения перед гением Растрелли. «Здание внутри так красиво по архитектурным линиям и так в нем радостно и светло, что его можно считать одной из лучших русских церковных построек... Собор и здания келий охвачены невысоким забором... а по углам поставлены легкие башенки, точно все это задумано для блестящего празднества» (В. Я. Курбатов. «Петербург»).

«Празднество» творчества Ф. Б. Растрелли в Петербурге закончилось с царствованием Елизаветы. Барокко казалось несозвучным новой эпохе – и гениальный зодчий остался не у дел. В 1763 году придворный архитектор Растрелли вышел в отставку, а затем уехал в Митаву – к герцогу Курляндскому Бирону. Умер он в 1771 году – по одним сведениям, в Митаве, по другим – в Петербурге. То, что неизвестно даже место, где умер великий зодчий, означает, что забвение его было полным. Это особенно горько потому, что праздничные творения Растрелли остались его удивительным подарком Петербургу на счастье. «Растрелли дошел в лучших своих сооружениях до полной гармонии и тем сделал невозможной работу в этом стиле мастерам меньшего размаха. Со смертью его наступил конец и самому стилю... Много из сооружений гениального мастера и его учеников уже исчезло, но то, что осталось, кажется неисчерпаемым и по-сказочному блестящим», – писал историк искусства В. Я. Курбатов.

Жизнь в Петербурге при Елизавете Петровне напоминает сказки из «Тысячи и одной ночи». Здесь случаются удивительные чудеса и превращения. Сама судьба императрицы схожа с историей Золушки, и она, попав наконец на праздник жизни, хочет, чтобы он не прерывался ни на миг.

Придворная жизнь в Петербурге действительно представляла собою нескончаемый праздник. Императрица женственна, хороша собою, любит наряды – после нее остался гардероб из одиннадцати тысяч платьев! Редко наряд надевается дважды, а меняются они по два-три раза на день. Балы чередуются с маскарадами, фейерверками, спектаклями. В придворный театр приглашены из Италии знаменитые художники-декораторы: Дж. Валериани, Д. Градици. Замечательного расцвета достигли прикладные искусства: в столице открываются все новые мастерские, прибавляется работы у ткацких мануфактур, все дорогое, изысканное пользуется постоянным спросом.

Почти так же, как наряды, императрица меняет дворцы. Их строят для нее за несколько дней – и на несколько дней. По этой причине большая часть их не сохранилась. Она беспрестанно путешествует, и это походит на стихийное бедствие: в Москву из Петербурга следом за нею отправляется большая часть жителей. Вместе с беспокойной императрицей кочуют

Сенат, правительственные учреждения, казначейство. Для этого «великого переселения» из Петербурга в Москву понадобилось девятнадцать тысяч лошадей! Улицы Петербурга успели порости травой, прежде чем Елизавета, объехав чуть ли не пол-России, вернулась в столицу.

Итак, дворцы возникали и исчезали, как в сказке. Или их переносили, как по волшебству: граф К. Г. Разумовский имел в Киеве дом из семи корпусов, построенный из дубовых бревен. Однажды туда явился сборщик налогов. Оскорбленный граф приказал разобрать дом и перенести в свое имение за несколько сотен верст. Через день на месте огромного дома был пустырь!

Пастух в эти фантастические времена мог вознестись на вершины власти. Думал ли украинский крестьянин Алексей Разумовский, придя в столицу с котомкой за плечами, что станет служить при дворе царевны Елизаветы, приглянется ей своим видом и хорошим голосом, сделается ее фаворитом, а в ее царствование – графом и морганатическим мужем императрицы! Она осыплет Разумовского богатством и титулами, а его младший брат Кирилл после обучения в Европе будет назначен в свои восемнадцать лет президентом Академии наук! Старую мать Разумовских привезут в столицу, нарядят для встречи с императрицей в роскошное платье, наденут высокий парик – и бедная Разумиха, явившись во дворец и увидев свое отражение в зеркальной двери, упадет на колени, решив, что перед нею императрица.

Елизавете, как Гаруну аль-Рашиду, не спится ночами, поэтому к ней тоже приводят сказочниц: рыночных торговок, старух, и они каждую ночь до рассвета плетут свои небылицы; тут же находятся чесальщицы пяток государыни. Видимо, Елизавета никогда не могла забыть обстоятельств переворота, приведшего ее к власти, ночного ареста малолетнего императора Ивана Антоновича и его родителей, поэтому она редко проводила несколько ночей подряд в одном дворце.

А разве не фантастично выглядит светская хроника в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «После полудня Ее Императорское Величество изволили смотреть учреждение на площади позади императорского дома между несколькими слонами увеселительного боя», – сообщается 20 декабря 1741 года. Или указ 1744 года: на некоторые праздники и придворные маскарады мужчинам являться без масок в юбках и фижмах, одетым и причесанным, как дамы, а дамам в мужских костюмах.

Царице к лицу мужской костюм, отсюда и указ. А слоны в Петербурге появились уже во времена Петра I, их присылал в подарок персидский шах. В 1736 году неподалеку от места, где сейчас стоит Михайловский замок, построили специальный Слоновый двор. В 1741 году посольство шаха доставило еще четырнадцать слонов. Их появление пошло на пользу городу: для того чтобы они могли пройти, пришлось починить мостовые и Аничков мост. На углу Невского проспекта и Лиговского канала для них был построен новый Слоновый двор. В богатое меню этих животных входила даже водка! Не она ли стала виной происшествия, случившегося в 1741 году: «Вскоре после прибытия слоны начали буйствовать, „осердясь между собою о самках“, и некоторые из них сорвались и ушли. 16-го октября... утром три слона сорвались и ушли, из которых двоих вскоре поймали, а третий „пошел через сад и изломал деревянную изгородь и прошел на Васильевский остров, и там изломал чухонскую деревню и только здесь был пойман“» (М. И. Пыляев).

Или это случилось потому, что невежественные зеваки во время прогулки слонов брали их и бросали палки? Указано было объявить обывателям с подпиской: не обижать слонов и слонового мастера, когда он выводит их гулять на Невский проспект.

Вид городских улиц оставался по-прежнему неприглядным. Их приходилось очищать от навозных куч, жителям многократно запрещалось выбрасывать нечистоты на улицы. В Петербурге было запрещено просить милостыню (даже у церквей), хотя по старой традиции милостыню просили арестанты, которых для этого специально водили по улицам. Снова и

снова повторялись указы, запрещающие быструю езду по улицам: удальцы, любящие прокатиться с ветерком, убивали и калечили прохожих.

Продолжалась борьба за нравственность: в который раз издавались указы, грозящие карами за разбой, за мытье в общих банях; вылавливали и наказывали доносчиков, которых так много развелось при Анне Иоанновне. Преследовалась проституция: одним из самых скандальных дел в Петербурге стало дело Дрезденши. Некая авантюристка из Дрездена открыла в городе публичный дом и дом свиданий, поставив дело так широко, что слухи и жалобы дошли до императрицы. Дрезденшу арестовали. Она назвала всех клиентов и дам из дома свиданий – и вместе с «девицами» – профессионалками в исправительный дом попало несколько женщин из уважаемых в городе семейств.

Но самой примечательной чертой тех времен было постепенное смягчение нравов. В 1742 году указано не арестовывать и не пытаться в Тайной канцелярии тех, у кого в прошениях была допущена ошибка в написании императорского титула; или, например, тех, кто случайно ронял наземь монету с изображением императрицы. Прежде такие проступки расценивались как «оскорбление величества», и при Анне Иоанновне за них жестоко наказывали. Эпидемия доносительства и слезки, существовавшая в Петербурге со времени его основания, пошла на спад.

Фактически отменена смертная казнь. Во время дворцового переворота Елизаветы были арестованы главные деятели царствования Анны Иоанновны: Остерман, Миних, Головкин, Левенвольде. Стоило вспомнить расправу над Волынским за год до этого, чтобы представить, какая им была уготована участь. Арестованных также заключили в Петропавловскую крепость, но не пытали. Сенат приговорил их к жестокой казни: колесованию, четвертованию... 17 января 1742 года на площади перед зданием Двенадцати коллегий соорудили эшафот, и толпы горожан собрались, чтобы поглядеть на знакомое зрелище. Но на эшафоте осужденным объявили, что казнь заменяется ссылкой в Сибирь. «Историк должен заметить, что после кровавых примеров аннинского царствия никто из людей, враждебных и опасных правительству, не был казнен, на допросах никого не пытали», – писал С. М. Соловьев.

Все это имело самые благотворные последствия: общественная атмосфера в царствование Елизаветы, при отсутствии всеобщего страха и принуждения, смягчении нравов, в значительной степени подготовила либеральное правление Екатерины II, наступление «золотого века» дворянства.

Даже условия заключения в страшной Петропавловской крепости стали легче сравнительно с предыдущими и последующими временами. Записки о пребывании в ней оставили немецкие пленники времен Семилетней войны, в которой участвовала Россия, – пастор Теге и граф Гордт. Конечно, тюрьма оставалась тюрьмой, а плен – несчастьем, но пастор добрым словом вспоминал солдат охраны, прислуживавших ему, он не бедствовал, не испытывал физических страданий. Разве можно сравнить его записки с мемуарами узников «просвещенного» XIX или нашего века! А вот отрывок из воспоминаний Гордта, тогда же заключенного в Петропавловскую крепость:

«Офицер... отправился с рапортом в Тайную канцелярию, куда потом ходил обо мне докладывать каждый день. Около 10 часов снова явился... положил на стол рубль и объявил, что велено выдавать мне по рублю в сутки на содержание... Мне из этих денег потом носили еду из трактира... я не мог долго употреблять дурную [тюремную] пищу. Я запасся чаем, кофеем, сахаром, а по вечерам мне приносили на ужин рябчиков и икры. Так как я не мог выносить запах сальных свеч, то мне позволено было покупать восковые.

Я поглядывал в окно, но... только в праздничные дни толпы народа проходили в церковь [Петропавловский собор], которая находилась против моих окон... Я наблюдал, в чем состоит разница одежды русских от костюма других народов; женщины повязывали голову

платками, а лица их обыкновенно были до того нарумянены, что мне казалось, я вижу фурий. Все они были закутаны в огромные шубы и почти все в башмаках; некоторые из них даже несли свои башмаки в руках до церкви, и я не мог понять, как они могли так легко ходить по снегу. Но что было очень неприятно, так это колокольный звон, который в России не прекращается, можно сказать, день и ночь... Так что нигде соседство с церковью не доставляет таких неудобств, как здесь...

Мало-помалу офицер и стража привязались ко мне... Раз вечером один из гренадер сказал мне, что если я хочу выйти прогуляться на воле, то увижу весь город иллюминированным; то был один из праздничных дней, которые так часты в России... На одном из бастионов... нам открылся вид всего города; он показался восхитительной картиной; для меня же, давно не видевшего ничего, кроме стен своей комнаты, это было почти волшебное зрелище.

Собор... по архитектуре один из прекраснейших храмов, какие только существуют. Гренадер мой вошел в него вместе со мною; но, по несчастью, дверь захлопнулась за нами так плотно, что мы не могли ее открыть изнутри. Я испугался, как бы бедняга солдат не повесился от отчаяния... Пока он изыскивал средства выпутаться из затруднения, я заметил в свете негасимой лампы две великолепные гробницы: императора Петра I и императрицы Анны, сел в пространстве, разделяющем их, и предался размышлениям о превратностях земного величия. Между тем гренадер мой отыскал маленькую дверцу, при которой стоял часовой, в руку которого я сунул червонец за оказанную нам милость выпустить нас. Мы весело возвратились в наше печальное жилище».

Светское и религиозное образование в Петербурге и вообще в России того времени пребывало в печальном состоянии. Хотя открывались новые школы и различные учебные заведения для дворян, работала Академия наук; хотя религиозная Елизавета строго соблюдала посты и требовала того же от придворных настолько, что канцлер А. П. Бестужев-Рюмин должен был получить разрешение немного смягчить соблюдение поста от самого патриарха Константинопольского.

Но торжественно богослужение проходило только в придворных церквях, а в приходских по большей части было грязно, тесно, священники были очень бедны и невежественны. От человека, принимающего сан священника, требовались лишь свидетельства о начальном образовании и честном поведении. Среди аттестаций столичных священников попадались такие: «школьному учению отчасти коснулся», «дошел до риторики и за перерослостью, будучи 27 лет, уволен». Прихожане в церкви вели себя шумно, а между священниками случались ссоры и даже потасовки.

Не лучше обстояло дело и со школами. Образованных учителей было мало. Характерно воспоминание майора Данилова об Артиллерийской школе того времени (в ней учились дворяне): «Великий тогда недостаток в оной школе состоял в учителях. Сначала... было для показаний одной арифметики из пушкарских детей два подмастерья; потом определили... штык-юнкера Алабуева. Он тогда содержался в смертном убийстве (за убийство. – Е. И.) третий раз под арестом. Он хотя разбирал несколько арифметику Магницкого и часть геометрических фигур, однако был вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителем благородному юношеству. Училища, заведенные при Петре, были тогда заброшены и скорее портили, чем воспитывали молодое поколение, домашнее же образование в высших классах ограничивалось только внешним наведением лоска» (М. И. Пыляев. «Старый Петербург»).

Картина грустная. Но примечательно, что именно в это время в Петербурге жили первый великий русский ученый – М. В. Ломоносов и первая святая нашего города – Ксения Петербургская. Мы помним, что для упрочения положения Петербурга в глазах России основатель города приказал перенести сюда мощи святого Александра Невского. Князь Александр Невский, воитель за Русскую землю, был близок сердцу самого Петра Великого и его представлению о долге государя. «С XVIII века Св. Александр в официальном почитании

затмил и даже вытеснил почти всех святых князей. Император Петр, перенеся его мощи из Владимира в новую столицу, в годовщину Ништадтского мира сделал его ангелом-покровителем новой империи» (Г. П. Федотов. «Святые Древней Руси»). Образ Блаженной Ксении Петербургской не сходен с образом победоносного воителя Александра, ее подвиг – иного рода. Ксения Петербургская – юродивая, блаженная.

В пятидесятые годы XVIII столетия на улицах Петербурга появилась странная фигура – женщина в мужской одежде, называвшая себя Андреем Петровым. О ней знали, что она вдова певчего придворной капеллы Андрея Петрова – Ксения. После смерти мужа Ксения раздала все имущество бедным, покинула дом и стала странницей-юродивой. Она бродила по Петербургу, ночуя где придется; ее можно было увидеть в церкви, подпевающей во время службы; она заходила в дома, куда ее звали или где случилась беда, или просто шла по улице, что-то бормоча, погруженная в свои мысли. Так блаженная Ксения прожила в Петербурге около полувека. В городе ее знали и любили: богатые купеческие семьи наперебой предлагали приют, ее зазывали в гости – считалось, что посещение Ксении приносит счастье. Говорили также, что по ее молитве совершаются чудеса. Она была прозорливицей. Блаженная Ксения предсказала смерть императрицы Елизаветы, неожиданную для всех. Накануне ее кончины Ксения обходила город со словами: «Пеките блины», вся Россия будет печь блины, справляя поминки по Елизавете.

В житии Ксении Петербургской мы найдем немало свидетельств ее прозорливости, силы ее молитвы, однако в нем не сохранилось имен людей, которым она помогала, поддерживала, предугадывая будущее. Но все эти купцы, чиновники, ремесленники, ничем не прославленные обыватели города, канувшие в забвение, почитали блаженную Ксению при ее жизни и после смерти, прибегали к ее заступничеству – и сохранили память о ней для нас. Умерла Ксения, вероятно, в начале XIX века (год ее смерти точно не известен) и была похоронена на Смоленском кладбище. Через несколько лет началось паломничество горожан на ее могилу – и с тех пор не прекращалось никогда. Даже в самые жестокие советские годы люди тайком приходили к часовне над могилой Ксении Блаженной, оставляли записки или просто молились, прося ее о помощи и заступничестве. И она помогала... Свидетельств тому немало – и каждый, кто входит в эту маленькую часовню, чувствует, что это особое место, что оно «живое».

В 1989 году Блаженная Ксения Петербургская была канонизирована. «Не стоит город без святого, селение без праведника» – кажется, именно жизнь св. Ксении в Петербурге, таком разнородном в своих началах, придала душе города необходимое тепло, примирила его со старой Россией.

Рассказ о жизни и трудах Михаила Васильевича Ломоносова мог бы далеко выйти за рамки нашего повествования. Мы позволим себе остановиться только на его конфликте с Петербургской Академией наук.

В 1741 году Ломоносов вернулся после учебы в Германии, однако в Академии его встретили не слишком радушно – должность адъюнкта он получил лишь через год. Академия пребывала в печальном состоянии: всю власть в ней забрал секретарь канцелярии И. Д. Шумахер. Одни ученые, не смирясь с этим, покинули Академию и Россию (среди них знаменитые математики Л. Эйлер и Д. Бернулли), другие жили «в непрестанном опасении и безусловной покорности».

Ломоносов этими качествами не обладал и скоро развернул боевые действия со всей решительностью своего характера. В 1743 году он на семь месяцев попал под арест за «великие продерзости» в Академии, ссоры и прямые столкновения. Хорошо, что Бироновы времена миновали, иначе конфликт с академическими «немцами» мог обернуться для него куда хуже. Борьба Ломоносова с Шумахером и его клеветами длилась годы; Ломоносов был вспыльчив и горяч, его противники – мелочны и мстительны, и временами она принимала

трагикомический характер. Так, однажды после долгой задержки академического жалования его все-таки выплатили Ломоносову – копейками. Мешки, набитые медной монетой, долго стояли у него в сарае, и, расплачиваясь по хозяйственным нуждам, он отмерял деньги ковшом или ведром. Другую историю приводит в своем «Слове о Ломоносове» писатель Борис Шергин. Не знаю, насколько точно он цитирует жалобу Штурма, но само происшествие достоверно.

«Семье Ломоносова неустанно досаждал их сосед Штурм, приятель Шумахера... Михаилу Васильевичу все некогда было заняться этим делом... Но однажды чаша праведного гнева переполнилась. Вот что доносил Штурм:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.